УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

1816й ГОДЪ.

КНИЖКА ДЕСЯТАЯ.

Мѣсяцъ Октябрь.

Планъ сего Журнала.

I. *Науки и искуства*;

Въ семъ отдѣленіи помѣщаемы будутъ статьи собственно до наукъ и искуствъ касающіяся: разсужденія, рѣчи, историческіе отрывки и п. т.

II. *Живописная проза*;

Её составлять будутъ картинныя мѣста изъ авторовъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ, въ подлинникахъ и переводѣ.

III. *Дѣтское чтеніе*;

Повѣсти, нравственныя черты, анекдоты.

IV. *Стихотворенія*;

Оды, посланія, пѣсни и другіе роды стиховъ — по выбору.

V. *Харьковскія записки*;

Статьи касательно Университета, Ученаго, Филотехническаго, Благотворительнаго и Библейскаго Обществъ; замѣчанія о театрѣ и пр.

VI. *Смѣсь*;

Сюда будетъ относиться также Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ, краткія рецензіи, извѣстія о нещастныхъ и разныя увѣдомленія.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

на

1816й ГОДЪ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Мѣсяцъ Октябрь.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи,
1816.

Учрежденный при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харьковскомъ Университетѣ Цензурный Комитетъ, основываясь на донесенiи читавшаго сiе сочиненiе Профессора Ивана Срезневскаго, печатать оное дозволяетъ съ тѣмъ, — чтобы по напечатанiи, до выпуска въ Публику, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ для Цензурнаго Комитета, два для Департамента Министерства Просвѣщенiя, два для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библiотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академiи Наукъ. Октября 7 дня 1816 года.

Деканъ Гаврiилъ Успенскiй.

УКРАИНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

МѢСЯЦЪ ОКТЯБРЬ.

I. НАУКИ И ИСКУСТВА.

Объ Исторіи.

I. *Сущность Исторіи.*

Исторія есть повѣствованіе происшествій, принятыхъ за истинныя; — въ противуположность басни, которая есть повѣствованіе происшествій — принятыхъ за ложныя.

Въ *Исторіи* находятся мнѣнія или догадки; и они почти всѣ суть не что иное, какъ собраніе заблужденій человѣческихъ. *Исторія* художествъ можетъ быть полезнѣйшею другихъ, когда соединяетъ въ себѣ познаніе объ изобрѣтеніи художествъ и описаніе ихъ механизма. *Естественная Исторія* не правильно называется *Исторіею*: поелику она есть существенная часть Физики.

Исторія произшествій раздѣляется на Священную и Гражданскую. *Исторія* Священная есть послѣдствіе твореній Божеских и чудесъ Его, которыми угодно Ему было изкони путеводить Еврейскій народъ, — а въ настоящія времяна управлять наше вѣрованіе. Я не касаюсь сего священнаго предмѣта.

Первыя основанія всякой *исторіи* суть — повѣствованія отцовъ дѣтямъ ихъ, въ послѣдствіи переданныя отъ одного поколѣнія другому. Сіи повѣтствованія бываютъ достовѣрны только въ своемъ началѣ; но со всякимъ вновь поколѣніемъ утрачиваютъ великую степень вѣроятія. Со времянемъ же возникаетъ баснословіе, истинна изчезаетъ; а отъ того и происходитъ, что всѣ начала народовъ бываютъ невѣроятны: отъ того — Египтяне были управляемы богами въ продолженіе многихъ вѣковъ, потомъ полу-богами, — и наконецъ имѣли своихъ царей въ теченіи одинадцати тысячь трехъ сотъ сорока лѣтъ; и отъ того-то въ сіе время солнце перемѣнило четыре раза свой востокъ и западъ! . . ,

Финикїяне полагали начало своего существованїя почти за тридцать тысячь лѣтъ; а сїи тридцать тысячь лѣтъ наполнены были толикимъ же числомъ чудесъ, сколько и самая хронологїя Египтянъ. Въ древней *Исторїи* Грековъ владычествуетъ такаяже дивная странность. Римляне, сколь ни были важны по существу характера своего, однакожъ и они свою *Исторїю* одѣли баснословїемъ въ первыхъ вѣкахъ. Народъ сей толико новый, въ сравненїи съ Азїатскими народами, находился пять сотъ лѣтъ безъ Историковъ; потому и неудивительно: что Ромулъ былъ почитаемъ сыномъ Марса, что волчица была его кормилицею, что онъ съ двадцатью пятью тысячами человѣкъ выступилъ изъ селенїя своего Рима противъ двадцати же пяти тысячь ратующихъ изъ селенїя Сабинянъ, что въ послѣдствїи содѣлался богомъ; что Тарквинїй старшїй разрѣзалъ камень бритвою; и что Весталка притянула корабль къ берегу однимъ только своимъ поясомъ.

Первыя лѣтописи всѣхъ новѣйшихъ народовъ нашихъ не менѣе баснословны;

ужасныя и невѣроятныя произшествія не иначе должны быть повѣствуемы, какъ въ доказательство человѣческаго легковѣрія: поелику они входятъ только въ *Исторію нашихъ мнѣній или догадокъ.*

Къ достовѣрному познанію чего нибудь о древней *Исторіи* мы имѣемъ одинъ только способъ: изыскать, находятся ли какіе нибудь несомнѣнные о томъ памятники? — Таковыхъ памятниковъ, письменами преданныхъ, имѣемъ только три.

Первое изъ нихъ есть — Собраніе астрономическихъ наблюденій, въ теченіи тысячи девяти сотъ лѣтъ непрерывно производившихся въ Вавилонѣ и присланныхъ Александру въ Грецію; ими руководствовался Птоломей въ своемъ Альгаместѣ (*). Сіе послѣдствіе наб-

(*) Альгаместъ есть большое сочиненіе (compositio magna), — есть реэстръ неподвижныхъ звѣздъ, сочиненный по наблюденіямъ Птоломея — славнаго Пелузскаго Математика около ста тридцати осьмаго года по Рождествѣ Христовѣ. Въ реэстрѣ семъ считается до 1022 звѣздъ, коихъ и долгота и широта опредѣлены. Сочиненіе сіе въ чрезвычайномъ уваженіи, по причинѣ доказатель-

люденій, возходящее до двухъ тысячь ста тридцати четырехъ лѣтъ прежде Рождества Христова, неоспоримо доказываетъ: что Вавилоняне существовали совокупно и цѣлымъ народомъ многіе вѣки прежде сего; поелику и художества суть нечто иное, какъ твореніе времяни и поелику свойственная людямъ лѣность оставляетъ ихъ многія тысячи лѣтъ безъ всякихъ познаній и безъ всякихъ других дарованій, кромѣ тѣхъ, — которыя нужны для ихъ питанія, защищенія отъ воздушныхъ непогодъ и убійства себѣ подобныхъ. Пусть судятъ о томъ по Германцамъ и Англичанамъ, бывшимъ во времяна Цесаря; пусть судятъ о томъ по нынѣшнымъ Татарамъ, по цѣлой половинѣ Африки и по всѣмъ народамъ нами обрѣтеннымъ въ Америкѣ, — изключая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Королевства Перуанское, Мексиканское и Республику Тласкальскую.

ства о движеніи звѣздъ неподвижныхъ на центрѣ Еклиптики, — которое Птоломей въ ономъ объяснилъ. Прим. Пер.

Вторый памятникъ есть — центральное затмѣнїе солнца, изчисленное въ Китаѣ за двѣ тысячи сто пятьдесятъ пять лѣтъ до Христїянскаго лѣтосчисленїя и признанное справедливымъ отъ нашихъ Астрономовъ. О Китайцахъ можно сказать тоже самое, что и о народахъ Вавилонскихъ: они безъ сомнѣнїя составляли уже тогда пространное и образованное государство. Но что Китайцовъ поставляетъ превыше всѣхъ другихъ народовъ, такъ это есть то, — что ни законы ихъ, ни нравы, ни тотъ языкъ — которымъ говорятъ ихъ ученые — въ теченїи четырехъ тысячъ лѣтъ не измѣнились. Впрочемъ народъ сей древнѣйшїй всѣхъ племянъ нынѣ существующихъ, народъ — обладающїй пространнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ мѣстоположенїемъ, народъ — изобрѣтшїй почти всѣ художества прежде нежели мы о нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣли какое либо понятїе, — со всемъ тѣмъ народъ сей всегда былъ до сего времяни пропущаемъ въ мнимыхъ нашихъ *Всемїрныхъ Исторїяхъ*. И когда Гишпанецъ или Французъ

дѣлалъ изчисленіе народовъ; то ни тотъ ни другой не упускалъ назвать отечества своего *первымъ Государствомъ въ мірѣ.*

Третій памятникъ, ощутительно низшій двухъ предыдущихъ, заключается въ мраморахъ или дскахъ Аронделя. (*) Аѳинское лѣтосчисленіе было на нихъ начертано за двѣсти шестьдесятъ три года до Р. Х.; но лѣтосчисленіе сіе восходитъ не далѣе Кекропса, то есть до тысячи трехъ сотъ девяноста лѣтъ прежде того времяни, въ которомъ было

(*) Аронделевы дски найдены были знаменитымъ Французомъ Пейрескомъ на островѣ Паросѣ въ началѣ XVIII вѣка; а потомъ достались Англичанину Графу Аронделю, который поручилъ оныя изысканію и трудамъ славнаго Сельдека. Сей сочинилъ и издалъ о дскахъ сихъ самополезнѣйшія и такія изысканія, — что всюду и единогласно ихъ признали прекраснѣйшимъ памятникомъ хронологіи, какого желать только можно о древностяхъ Греціи. Нѣкоторые отломки сихъ мраморныхъ досокъ утратились при возмущеніяхъ царствованія Карла I; что же осталось въ цѣлости, то находится нынѣ между драгоцѣнностями Оксфордской Библіотеки. — Прим. Перев.

начертано. Вотъ существенныя и несомнѣнныя познанія о всей древней *Исторіи*, какія только мы нынѣ имѣемъ! —

Не удивительно, что нѣтъ древней *Гражданской Исторіи* — возходящей далѣе трехъ тысячъ лѣтъ или около того: измѣненіе земнаго шара, долгое и повсемственное невѣжество въ томъ искуствѣ — которое посредствомъ письма передаетъ произшествія — были тому причиною. Есть еще и нынѣ многіе народы, кои не имѣютъ ни какого употребленія сего искуства. Оно долго находилось только у нѣкоторыхъ народовъ образованныхъ; и то между весьма малымъ количествомъ людей! У Французовъ и Германцевъ до XIV и XV вѣковъ ничто не было столь рѣдко, какъ умѣть писать: тогда почти всѣ акты судебные подтверждались только одними свидѣтелями. Во Франціи уже при Карлѣ VII въ 1454 году привели въ порядокъ, посредствомъ письма, обыкновенія и права̀ Французскія. Искуство писать было еще рѣже между Гишпанцами; — откуда произходитъ, что *Исторія* ихъ столь суха

и столь неизвѣстна даже до времянъ Фердинанда и Изабеллы. А изъ сего видно: сколь малое число людей, умѣющихъ писать, въ состоянiи были тогда вводить прочихъ въ заблужденiе!

Есть и такiе народы, которые покоряли уже не одну часть земли себѣ; а употребленiя писмянъ еще не имѣли: извѣстно намъ, что Чингисъ-Ханъ завоевалъ часть Азiи въ началѣ XIII вѣка; однакожъ ни посредствомъ его, ни посредствомъ Татаръ мы о томъ не свѣдомы. *Исторiя* ихъ — писанная Китайцами и переведенная отцемъ Гобилемъ — свидѣтельствуетъ, что Татары сiи не имѣли искуства писать. Искуство писать столь же мало извѣстно было Скиѳу Огусъ-Хану — названному *Мадiесъ* отъ Персiянъ и Грековъ, который завоевалъ часть Европы и Азiи еще за долго до царствованiя Кира.

Есть и инаго рода памятники, которые служатъ доказательствомъ отдаленнѣйшей древности нѣкоторыхъ народовъ — предшествовавшихъ всѣмъ извѣстнымъ эпохамъ и всѣмъ писаннымъ кни-

гамъ: памятники сїи суть чудеса зодчества какъ то, Пирамиды и дворцы Египетскїе, противуставшїе разрушенїю самаго времяни. Геродотъ, за двѣ тысячи двѣстѣ лѣтъ до сего времяни жившїй, самъ видѣлъ ихъ; но не могъ узнать отъ Египетскихъ жрецовъ о томъ, когда они были воздвигнуты.

Не возможно менѣе четырехъ тысячь лѣтъ приписать древнѣйшей изъ сихъ Пирамидъ. Но при томъ еще должно сообразить, — что сїи усилїя гордости царей не могли имѣть начала своего иначе, какъ за весьма долгое время прежде созиданїя самыхъ городовъ. Чтобы созидать города въ такой странѣ, которая наводнялась ежегодно; то сперва необходимо нужно было возвысить самую почву изъ наноснаго ила состоящую и содѣлать оную неподвергаемою наводненїямъ. Надлежало, прежде употребленїя сего нужнѣйшаго средства и прежде нежели пуститься на столь великїе труды, чтобы народы приготовили себѣ убѣжище между утесовъ горъ — составляющихъ два хребта по правую и лѣвую сторону

Нила, во время возвышенія водъ рѣки сей. Надлежало что бы соединенные народы сіи имѣли уже орудія для хлѣбопашества, для зодчества; надлежало, — что бы имѣли уже достаточное познаніе о земледѣліи, законахъ, полицейскомъ устройствѣ; — а все сіе необходимо требуетъ чрезвычайнаго пространства времяни. Посредствомъ неизчислимыхъ подробностей, которыя ежедневно замедляютъ самонужнѣйшія и самомалѣйшія предпріятія наши, — мы видимъ, сколь трудно изполнять великія намѣренія; мы видимъ так же, что къ достиженію того не только нужно имѣть терпеніе неутомимое, — но даже нужно и то, что бы многія поколѣнія одушевляемы были одинакимъ ревніемъ къ совершенію своихъ намѣреній.

Со всемъ тѣмъ, — хотя бы и знали мы; что Менесъ, Ѳаутъ, Хеопсъ или Рамесесъ воздвигли одну или двѣ изъ сихъ чрезвычайныхъ громадъ камней, — со всемъ тѣмъ не больше отъ того мы будемъ свѣдущи въ *Исторіи* древняго Египта. Языкъ народа сего уже

потерянъ; итакъ мы ни чего больше не знаемъ, кромѣ что прежде самаго существованія древнихъ Историковъ было уже изъ чего составить *древнюю Исторію*.

Та *Исторїя*, которую имянуемъ мы *древнею* и которая въ существѣ своемъ есть довольно новая, едва ли до трехъ тысячь лѣтъ возходитъ: поелику до сего времяни имѣемъ мы одни вѣроятности. Да и сїи вѣроятности сохранены намъ въ двухъ только гражданскихъ книгахъ: въ *Избранномъ Лѣтосчисленїи* и *Исторїи* Геродотовой. Древнїя Избранныя Лѣтосчисленїя относятся только къ Египту, отдѣленному отъ всего прочаго мїра. Геродотъ больше и занимательнѣе для насъ упоминаетъ о землѣ тогда извѣстной; онъ, прочитывая десять книгъ своей *Исторїи*, очаровалъ Грековъ новостїю сего предприятїя и прелестїю своего слога, — наипаче же баснями къ оному примѣшанными. Все почти, сказанное имъ по словамъ чужеземцовъ, есть баснословно; но все, видѣнное имъ самимъ, описано справедливо. Отъ него узнаемъ мы на примѣръ: какое чрезмѣрное богатство

и какая пышность владычествовала въ малой Азїи, нынѣ толико бѣдной и мало населенной, — въ Дельфахъ онъ видѣлъ необычайные золотые дары отъ Царей Лидїйскихъ туда присланные. Прочитывая исторїю свою Грекамъ онъ говорилъ слушателямъ такимъ, которымъ Дельфы извѣстны были такъ же — какъ и ему самому. Какоежъ пространство времяни должно протечь прежде, нежели Цари Лидїйскїе могли накопить достаточное количество излишнихъ сокровищъ для принесенїя толико чрезвычайныхъ даровъ храму чужестранному? — Но когда Геродотъ разказываетъ басни — имъ слышанныя; тогда книга его есть нечто иное, какъ романъ — похожїй на Милезїянскїя басни. Она дѣлается похожа на Кандаула — показывающаго другу Гигесу обнаженную жену свою, которая отъ оскорбленной стыдливости предлагаетъ Гигесу на выборъ: или убить мужа ея, или на ней жениться, или самому погибнуть. Она дѣлается похожа на то, какъ Оракулъ Дельфїйскїй угадываетъ, — что въ то время Крезъ, нахо-

дящїйся за сто миль оттуда, заставляетъ варить черепаху въ мѣдной посудинѣ. Ролленъ, повторяя всѣ сказки таковаго рода, удивляется всезнанїю Оракула и справедливости Аполлона, равно какъ и скромности супруги Царя Кандаула; — и при семъ случаѣ предлагаетъ онъ полицїи: возпрепятствовать тому, чтобы молодые люди обоего пола не купались въ рѣкахъ!! Время намъ столь дорого, а *Исторїя* столь необьятна, — что необходимо должно избавлять читателей отъ таковыхъ басней и сего же рода нравоученїй.

Исторїя Кира вся обезображена баснословными преданїями. Весьма вѣроятно — что сей *Киро* Киромъ названный, предводительствуя воинственными народами Элами, въ самомъ дѣлѣ завоевалъ Вавилонъ ослабленный своими удовольствїями; но неизвѣстно то, какой Государь царствовалъ тогда въ Вавилонѣ? — Говорятъ иные, Валтазаръ; другїе утверждаютъ, Анаботъ. По Геродоту Киръ убитъ въ одномъ походѣ противъ Массагетовъ; Ксенофонтъ же въ своемъ нравоучитель-

номъ и политическомъ романѣ заставляетъ его умереть спокойно на своей постели.

Посреди таковой темноты въ *Исторіи* ничего намъ неизвѣстно, кромѣ того: что съ давнихъ времянъ находились пространныя Государства и бывали тираны; что могущество сихъ основывалось на всеобщемъ бѣдствіи; что тиранизмъ возросъ до самаго безстыднаго безчеловѣчія

. . . .

. . . .

что суевѣріе управляло людьми; что сновидѣнія были принимаемы за предвѣщанія небесъ; и что тѣ же самыя сновидѣнія весьма часто преклоняли на миръ и на войну и проч.

По мѣрѣ того, какъ въ *Исторіи* Геродотъ приближается къ своему времяни, находимъ мы его и болѣе свѣдущимъ и болѣе справедливымъ. Но признаться должно, что настоящая *Исторія* для насъ начинается только со времяни предпріятія Персовъ противу Грековъ. Прежде сихъ великихъ произшествій находимъ только малозначущія повѣствованія, и и лучше пустыя сказки. Геродотъ

дѣлается образцемъ историковъ тогда, когда описываетъ онъ чрезвычайныя приготовленія Ксеркса для покоренія Грецїи а потомъ и всей Европы. Отъ Сузы до Аѳинъ онъ ведетъ Ксеркса, послѣдуемаго двумя миллїонами воиновъ. Онъ объявляетъ намъ, кто были тѣ столь различные народы — которыхъ Монархъ сей велъ за собою: отъ средоточїя Аравїи и Египта даже за предѣлы Бактріаны, отъ сѣвернаго края Каспїйскаго моря — страны тогда обитаемой народами могущественными — а нынѣ кочующими Татарами, — ни одинъ изъ народовъ сихъ не остался у него въ забвенїи; всѣ племяна отъ Босфора Ѳракїйскаго даже до рѣки Гангеса находились подъ его знаменами. Съ удивленїемъ усматриваемъ мы, — что Ксерксъ обладалъ толикимъ же пространствомъ земель, каковое имѣла послѣ Римская Имперїя; что подъ его властїю находилось все принадлежащее нынѣ великому Моголу по ту сторону Гангеса: вся Персїя, вся земля Узбековъ, вся Турецкая Имперїя, — изключая Румелїю, — но за то обладалъ онъ и

Аравїею. Изъ пространства его владѣнїй видимъ: сколь не правы тѣ писатели въ стихахъ и прозѣ, кои называютъ Александра Великаго — мстителя за Грецїю — безумнымъ за то, что онъ покорилъ царство неприязненное Грекамъ. Александръ былъ въ Египтѣ, Тирѣ и Индїи по обязанности ему тогда предлежавшей — и потому что Тиръ, Египетъ и Индїя принадлежали къ могуществу разорявшему нѣкогда Грецїю.

Геродотъ имѣлъ равное достоинство Омиру: онъ былъ первымъ Историкомъ такъ же, какъ Омиръ первымъ эпическимъ Поэтомъ; оба они постигли красоты свойственныя искуству каждаго писать, красоты до нихъ неизвѣстныя. Въ Геродотѣ удивительное представляется намъ изображенїе того: какъ Ксерксъ, владѣтель Азїи и Африки, проводитъ изъ Азїи въ Европу неизчислимое воинство свое чрезъ мостъ изъ судовъ составленный; какъ покоряетъ Финикїю, Македонїю, Өессалїю, вышнюю Ахайю, вступаетъ въ Аѳины, — оставленные и безлюдные. Не возможно было ожидать, — чтобы Аѳиняне, лишившись

уже своего города, не имѣя пристанища на сухомъ пути, укрывшіеся съ нѣкоторыми иными Греками на корабли свои, — могли прогнать многочисленный флотъ великаго Царя; чтобы могли они возвратиться въ отечество побѣдоносцами; чтобы могли принудить Ксеркса постыднымъ образомъ отвесть назадъ остатки своего воинства; и чтобы потомъ, посредствомъ заключеннаго договора, могли ему запретить плаваніе на ихъ моряхъ. Это превосходство народа малочисленнаго — но великодушнаго и свободнаго, этотъ верхъ его надъ всею рабствующею Азіею есть, — можетъ статься славнѣйшее дѣло для человѣчества изъ всѣхъ случавшихся въ мірѣ!! Изъ сего произшествія познаемъ мы также и то, что западные народы всегда были лучшіе мореходцы, нежели народы Азіятскіе (*). При чтеніи новѣйшей *Исторіи*, Лепантская побѣда напоминаетъ о побѣдѣ Саламинской;

(*) Трудно въ этомъ повѣрить Сочинителю; развѣ только включить въ число западныхъ народовъ и Малоазійцовъ, и Финикіянъ, и Египтянъ!?. Примѣч. Издат. Ф.

и тогда сравниваем мы Донъ-Жуана и Колона съ Ѳемистокломъ и Эврибіадомъ. Вотъ, можетъ быть, единственный (*) плодъ, — который получить можемъ отъ познанія сихъ отдаленныхъ времянъ! —

Ѳукитидъ, наслѣдникъ Геродота, ограничиваетъ себя описаніемъ только войны Пелопонесской. Сія страна не болѣе одной провинціи во Франціи или Германіи; но произвела во всѣхъ родахъ людей, достойныхъ безсмертной славы. Странно, — что какъ будто бы междуусобная война, жесточайшее изъ всѣхъ бѣдствій, вдыхала новый жаръ и раждала новыя усилія въ человѣческомъ разумѣ: — ибо во время Пелопонесской войны процвѣтали всѣ науки и художества въ Греціи. Подобнымъ средствомъ начали они усовершенствоваться въ Римѣ, среди междуусобныхъ браней при Кесарѣ, — и такимъ же образомъ возраждались въ XV и XVI столѣтіяхъ Христіанскаго

(*) А можетъ быть и не единственный. Естьлижъ единственный; то прибавить должно: и самый пустый! Примѣч. Издат.

лѣтосчисленія, — между ополченіями въ Италіи!! — (*)

После сей Пелопонесской войны, Ѳукидидомъ описанной, настаетъ славное время Александра — Царя достойнаго воспитанника Аристотелева; Александра, основавшаго болѣе городовъ, нежели другіе оныхъ истребили; Царя, который преобразовалъ торговлю вселенной. Во времяна его и во времяна его наслѣдниковъ процвѣталъ Карѳагенъ; а Республика Римская только лишъ начала обращать на себя взоры народовъ. Всѣ прочія страны оставались погруженными въ варварствѣ: — Кельты, Германцы, всѣ Сѣверные народы были еще неизвѣстны.

Исторія Римской Имперіи наиболѣе заслуживаетъ наше вниманіе; поелику Римляне были властелинами и законодателями нашими. Законы ихъ еще и донынѣ существуютъ въ силѣ своей у большей части Государствъ; языкъ ихъ еще во всеобщемъ употребленіи; и долгое время послѣ паденія имперіи сей языкъ

(*) Слѣдовательно не справедлива мысль: sonantibus armis silent Musae? Примѣч. Издат.

ея былъ единственнымъ языкомъ, на которомъ составлялись всѣ публичные акты въ Италіи, Германіи, Гишпаніи, Франціи, Англіи и Польшѣ.

По раздѣленіи Римской Имперіи на западѣ является новый порядокъ вещей; и это составляетъ *исторію средняго времяни*, — *исторію* варварскую народовъ варварскихъ, которые и по принятіи Христіянства ничѣмъ почти не улучшили себя.

Между тѣмъ, какъ Европа такимъ образомъ измѣнялась, въ XII вѣкѣ являются Аравитяне — дотолѣ заключавшіеся въ своихъ пустыняхъ. Они разпространяютъ свое могущество и владычество въ Азіи и Африкѣ; они покаряютъ Гишпанію. Турки имъ наслѣдуютъ, — и въ половинѣ XV вѣка утвер ждаютъ царство свое въ Константинополѣ.

Только въ концѣ сего вѣка открывается новый свѣтъ; а вскорѣ послѣ того и политика Европы, и художества принимаютъ новый видъ. Искуство книгопечатанія и возрожденіе наукъ производятъ то, что наконецъ появляются

довольно вѣрныя *исторіи*, вмѣсто странныхъ лѣтописей заключенныхъ въ монастыряхъ со времяни Григорія Турскаго. Вскорѣ за симъ въ Европѣ каждый народъ имѣлъ уже своихъ собственныхъ историковъ,—и прежній недостатокъ превращается въ излишество. Тогда не было города, который бы не хотѣлъ имѣть своей частной *исторіи*; тогда читатели такъ сказать подавлены были тяжестію таковыхъ мѣлочей. Человѣкъ, желающій чему нибудь научиться изъ Исторіи, долженъ придерживаться нити великихъ произшествій и отдалять всѣ маловажныя, кои пресѣкаютъ ихъ; онъ долженъ во множествѣ переворотовъ постигать духъ времянъ и нравы народовъ. Наипаче же долженъ онъ прилѣпляться къ *Исторіи* своего отечества; изучать и познавать оную въ совершенствѣ; въ ея только вникать и даже малѣйшія подробности, — а на другіе народы обращать одно всеобщее обозрѣніе. *Исторія* другихъ народовъ занимательна для насъ потому только, что они имѣютъ съ на-

ми сношенія; и также естьли совершили они какія нибудь великія дѣянія. По сдѣланнымъ уже примѣчаніямъ первыя времяна паденія Римской Имперіи суть нечто иное, какъ цѣпь варварскихъ приключеній подъ имянами варварскими,— кромѣ времянъ Карла Великаго. Англія остается почти отдѣленною отъ прочихъ Государствъ до царствованія Едуарда III. Сѣверъ оставался въ дикомъ состояніи до XVI столѣтія (*); а Германія долгое

(*) Напрасно Г. Волтеръ приписываетъ вообще всѣмъ Сѣвернымъ народамъ необразованное состояніе до сего времяни. Не упоминая о другихъ Государствахъ, одна Россія уже издавна составляла Государство довольно образованное; что самая Исторія ея доказываетъ. — Царствованіе Владимира Великаго въ X и XI вѣкахъ и Владимира Мономаха въ началѣ XII столѣтія уже достаточно опровергаютъ мнѣніе о необразованности Россіи; почему и нѣтъ нужды приводить здѣсь многіе другіе примѣры. Къ тому же пѣснь о походѣ Игоря противъ Половцевъ, драгоцѣнный отрывокъ древней Руской Поэзіи по высокимъ мыслямъ и по возвышеннымъ чувствамъ своимъ, принадлежитъ къ твореніямъ XII вѣка. Прим. Перев.

время находилась въ совершенномъ безначалїи. Раздоры Императоровъ съ Папами цѣлыя 600 лѣтъ опустошали Италїю; — и даже трудно найти справедливую между сихъ ссорившихся сторону, когда лѣтописи о тѣхъ нещастныхъ времянахъ изданы писателями малосвѣдущими и въ добавокъ еще самыми пристрастными. Гишпанская Монархїя представляетъ одно только происшествїе — водворенїе царей Визиготовъ; а прочее все находится въ смѣшенїи даже до царствованїя Изабеллы и Фердинанда. Францїя до Людовика XI была жертвою малоизвѣстныхъ нещастїй, подъ игомъ необразованнаго правленїя. Отецъ Данїилъ утверждаетъ, что первыя времяна Францїи занимательнѣе первыхъ времянъ Рима; но оставляетъ безъ замѣчанїя, — что начало сего тѣмъ блистательнѣе и важнѣе, чѣмъ онъ былъ слабѣе: ибо весьма приятно видѣть малый источникъ потока, наводнившаго цѣлую половину земнаго шара!

Чтобы проникнуть въ запутанную темноту среднихъ времянъ, для сего необходима помощь архивъ; но ихъ-то поч-

ти нигдѣ вовсе и нѣтъ. Нѣкоторые изъ древнихъ монастырей сохранили хартіи и дипломы, заключающіе подареніе монастырямъ симъ разныхъ имуществъ, — которыхъ достовѣрность однакожъ иногда оспоривается; но все сіе не есть такое собраніе бумагъ, гдѣ можно было бы почерпнуть свѣтъ для *исторіи* политической и для *исторіи* общаго права Европы. Англія безъ всякаго сомнѣнія богатѣе всѣхъ Государствъ архивами древнѣйшими и полезнѣйшими. Акты сіи, собранные Римеромъ подъ покровительствомъ Королевы Анны, начинаются отъ XII вѣка и непрерывно продолжаются до нашихъ дней. Акты сіи разливаютъ великій свѣтъ на *исторію* Франціи: они являютъ на примѣръ, что Гвіана принадлежала совершенно Англичанамъ тогда, какъ Король Французскій. Карлъ V конфисковалъ оную указомъ и завладѣлъ оружіемъ. Изъ актовъ сихъ усматриваемъ мы, сколь великія суммы денегъ и какого рода дань платилъ Лудовикъ XI Королю Эдуарду IV и котораго однакожъ могъ онъ побѣдить; изъ актовъ сихъ видимъ,

сколь много денегъ Королева Елисавета дала взаймы Генриху Великому на то, что бы споспѣшествовать ему къ достиженїю престола своего — и прочее.

(Продолженїе впредь).

О древнемъ Турьемъ рогѣ.

Читая 3-ю часть *Собранїя образцовыхъ Рускихъ сочиненїй и переводовъ въ стихахъ*, нашелъ я въ концѣ Баллады *Свѣтлана и Мстиславъ* примѣчанїе, — гдѣ объясняется смыслъ слова *Турей рогъ* и говорится: что это былъ рогъ быка, который употреблялся на пиршествахъ вмѣсто чаши, — и что Рускїе пили изъ него медъ. Замѣчанїе сїе привело мнѣ на память одно обстоятельство моей жизни, когда я еще въ молодости своей былъ въ военной службѣ.

Въ то время, какъ Грузинскїй Царь Ираклїй, при блаженной памяти Императрицѣ Екатеринѣ Великой, отдался въ покровительство Россїи, — командовав-

шему Кавказскимъ корпусомъ Генералъ-Порушчику Потемкику, въ штатѣ котораго я находился, предписано было съ частїю войскъ итти въ Тифлисъ въ слѣдъ за отправленными къ Его Высочеству (*) царскими Регалїями и увѣришь Его въ благоволенїи Монархини, равно какъ и въ защитѣ отъ неприятелей. По предварительному сношенїю учреждены были означенному Генералу отъ Царя приличныя на сей случай встрѣчи и дѣлаемы, кромѣ высылки оныхъ изъ Тифлиса, всюду по пути чрезъ Кавказскїя горы. Тамъ находились жилища Осетинскихъ и другихъ горскихъ народовъ внѣ горъ не покрытыхъ вѣчными снѣгами; — они стояли подъ гранитными и аспидными скалами, кои нерѣдко подавляли ихъ во время землетрясенїй; но не устрашали столько, что бы сїи замаперевшїя въ грубыхъ и дикихъ своихъ обычаяхъ народы не основывали оныхъ тамъ вновь. Такимъ образомъ близъ многихъ изъ тѣхъ селенїй мы встрѣчаемы были

(*) Таковъ титулъ данъ былъ Царю Грузинскому по трактату съ нимъ, на Грузинскомъ языкѣ: Умаглесо.

ихъ Князьками или Старшинами; при нихъ всегда находилось чучело звѣря называемаго *Туромъ*, — которое такъ было здѣлано, что съ помощїю продѣтой ниже шеи палки поддерживаемой двумя человѣками стояло, какъ живой звѣрь въ спокойномъ состоянїи. Странность сїя насъ удивляла; мы любопытствовали и узнали, что у нихъ есть старый обычай имѣть чучело означеннаго звѣря для встрѣчи съ нимъ великихъ или важныхъ особъ.

Въ продолженїи пути мы видѣли сихъ самыхъ звѣрей и живыхъ быстро перескакивавшихъ съ одной вершины сблизившихся горъ на другую, или низвергавшихся внизъ и опять съ невѣроятною скоростїю вбѣгающихъ на нихъ, — пока скрывались отъ взоровъ нашихъ. На нихъ они упадали рогами и ударясь ими о землю тотчасъ вспрыгивали на ноги и удалялися такъ мгновенно, что почти вовсе нельзя было разсмотрѣть ихъ фигуры.

Въ Тифлисѣ за Царскимъ столомъ подавали намъ мясо сего животнаго различно приготовленное; оно имѣло вкусъ дикой козы, только было гораздо прият-

нѣе. Не находя онаго нигдѣ больше мы узнали: что оно и не подается нигдѣ, кромѣ царскаго стола; и что всякой кто поймаетъ сего звѣря по щастїю или убьетъ, — а то и другое случается очень рѣдко по быстротѣ его и безпрестанному прыганью, — долженъ непремѣнно отвозить въ Тифлисъ и представлять его единственно царскимъ поварамъ; за что отъ казны назначено большое награжденїе. Рогажъ сего звѣря видѣли мы и у нѣкоторыхъ Грузинскихъ чиновниковъ точно въ таковомъ употребленїи, какъ у нашихъ Великихъ Князей, — только они пили изъ нихъ не медъ, а виноградное вино; такъ же находили ихъ на обратномъ пути и у Горскихъ Князьковъ.

Рога сїи длиною не больше какъ въ четверть, прямы и пусты, толщиною при комлѣ вершка въ два и нѣсколько овальны. Далѣе рогъ начинаетъ изгибаться улиткообразно, тутъ становится уже и острѣетъ, — пока совсемъ прекратится; а за тѣмъ вся конечность рога остается плотною и твердою. Звѣрь сей есть родъ дикихъ козловъ; и вотъ ме-

жетъ быть сего-то животнаго былъ вышеупомянутый Турей рогъ, а не бычачей. А что рога сіи могли и у насъ въ Кіевѣ нѣкогда быть получаемы; то это опять очень возможно: ибо древнее наше Тмутараканское княжество находилось въ сосѣдствѣ съ Кавказскими горами. И поелику они были очень рѣдки; то и употреблялись вмѣсто покаловъ у Великихъ Князей и Бояръ ихъ.

М. Марковъ.

Черниговъ.

Переяславъ.

(Изъ Писемъ о Малороссіи Левшина.)

Письмо 20-е

Путешествуя по окрестностямъ Переяслава, осматривая всѣ достопамятности, собирая извѣстія и преданія, — наконецъ удалось мнѣ сдѣлать открытіе довольно любопытное. Я. И. Б—въ почтенный знакомецъ нашъ, о которомъ я уже писалъ къ вамъ, доставилъ мнѣ случай взглянуть на одну древнюю рукопись.

Перебирая изорванные и вамасленые листочки ея, со вниманїемъ разсматривая всѣ слова и буквы, нашли мы извѣстїе объ основанїи здѣшняго города.

Неизвѣстный Сочинитель увѣряетъ, что близъ нынѣшняго Переяслава было село *Перея*, — въ которомъ родился *Іоаннъ* Усмошвецъ, извѣстный силою своею и пораженїемъ богатыря Печенѣжскаго. Владимїръ I, продолжаетъ онъ, для ознаменованїя побѣды велѣлъ построить на мѣстѣ сраженїя городъ и назвалъ оный *Переяславомъ* (Перея славная) въ честь *Переи*, прославившейся храбростїю жителя. Одинъ 90-лѣтнїй Переяславянинъ подтвердилъ извѣстїе сїе увѣривъ, что и онъ помнитъ остатки села называвшагося такъ. Показанное имъ мѣсто дѣйствительно имѣетъ признаки бывшаго на немъ нѣкогда поселенїя.

Мнѣнїе Сочинителя безымянной рукописи не только правдоподобно; но и основательно. Однакожъ я не смѣю защищать его; ибо оно противорѣчитъ всѣмъ лѣтописямъ нашимъ. Оно не согласно ни съ Несторомъ, который производитъ наз-

званіе Переяслава отъ имени бойца; ни съ Никономъ, которой говоритъ: наимянованіе города сего произошло отъ того, что *оный борецъ переялъ славу отъ Печенѣговъ Владимiру*; ни съ Августѣйшею нашею Писательницею, которая полагаетъ первоначальное основаніе Переяслава неизвѣстнымъ.

Однакожъ какъ бы то ни было и отъ чего бы ни произошло наименованіе города сего, — странно только то, что Несторъ приписывающій построеніе онаго Владимiру Великому упоминаетъ объ немъ въ договорѣ Олега съ Греками. Это доказываетъ, что Переяславъ существовалъ еще прежде 10 столѣтія, — въ концѣ котораго одержана побѣда надъ Печенѣгами при Трубежѣ.

Ежелибы Исторія наша не была наполнена подобными противорѣчіями, — и ежелибы точно извѣстно было, что Владимiръ построилъ Переяславъ; тогда безъ сомнѣнія можно было бы принять извѣстіе безымяннаго сочинителя за истинное и произвести названіе Переяслава отъ Переи.

Отличительныя свойства Малороссіянъ
Письмо 23-е.

Образъ правленія, воспитаніе, климатъ и мѣстоположеніе,— сильно дѣйствуя на природу человѣческую,— производятъ различіе какъ въ нравственномъ, такъ и въ чувственномъ ея состояніи.

Отсюда происходитъ разнообразіе въ вѣрѣ, нравахъ, образѣ жизни и обрядахъ людей; — разнообразіе замѣченное у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ; разнообразіе необходимо существующее между одноплемянными поколѣніями и даже подданными одного Государства, но жителями различныхъ странъ.

Рускіе и Малороссіяне происходятъ отъ однихъ предковъ; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ течетъ кровь древнихъ Славянъ; но нравы ихъ несходны, обыкновенія отличны, законы неодинаковы.

Раздѣленіе Россіи на множество Княженій, кочевая жизнь Малороссійскихъ козаковъ, сосѣдство ихъ съ различными народами, принятые отъ нихъ обычаи и законоположенія произвели очень ощутительное различіе между сими двумя

отраслями одного народа какъ въ нравахъ, такъ и въ обыкновенїяхъ. Мы не должны удивляться замѣчаемому нами несходству; потому что духъ народный, какъ говоритъ Рейналь, есть слѣдствїе чрезвычайнаго множества постоянныхъ и случайныхъ причинъ. (*)

Пробѣжавъ бытописанїя Малороссїи,— которая нѣсколько вѣковъ составляла воинственное и независимое отъ Россїи Государство, которой первобытные жители смѣшались съ Черкесами, Татарами, Поляками и можетъ быть со многими другими неизвѣстными для насъ народами; которая долго не имѣла другихъ законовъ, кромѣ законовъ человѣку врожденныхъ, — другихъ занятїй, кромѣ войны, — другихъ постановленїй, кромѣ свободы, равенства, простой и дружественной жизни казаковъ, сдѣлавшихся страшными для всѣхъ сосѣдственныхъ державъ;— пробѣжавъ, говорю, исторїю Малороссїи бывшей независимою и разсмотрѣвъ состоянїе ея подъ игомъ Польши и подъ владычествомъ Россїи, мы

(*) Esprit de Raynal.

удобно открываемъ причину производящую различїе и доставляющую жителямъ здѣшнимъ нѣкоторыя преимущества — цѣною крови предковъ купленныя.

Малороссїяне имяновались прежде козаками (*) и гордились симъ названїемъ — славнымъ въ лѣтописяхъ мїра. Они теперь раздѣляются подобно прочимъ жителямъ Россїи на дворянъ, духовныхъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ; а имя козаковъ осталось только при одномъ состоянїи.

Малороссїяне управляются собственными, отъ Поляковъ принятыми законами; или лучше сказать Магдебургскими правами, которыя Король Казимиръ Ягелловичъ ввелъ въ Малороссїю, и только въ слу-

(*) Козакъ значитъ бездомовной.

Сїе изъясненїе Г. Болтина наиболѣе принято. Стриковскїй производитъ козаковъ отъ собственнаго имяни вождя ихъ Козака. Лѣтопись Малой Россїи и Левекъ утверждаютъ, что сїе слово означаетъ легко-вооруженнаго. Шереръ въ Annales de la petite Russie доказываетъ, что названїе козаковъ произходитъ отъ Днѣпровской косы.

чаѣ недостатка оныхъ прибѣгаютъ къ узаконенїямъ Россїйскимъ.

Таковый образъ правленїя — сообразный нравственности народной — необходимо требовалъ и особыхъ властей нужныхъ для произведенїя въ дѣйство всѣхъ постановленїй. Потому находимъ мы здѣсь генеральный, повѣтовый и подкоморїй судъ; также Подкомораго, Хорунжаго, Коморника, Вознаго — чиновниковъ и присудственныя мѣста совсемъ неизвѣстныя въ Губернїяхъ, по Учрежденїю образованныхъ

Я бы могъ тебѣ коротко изложить здѣсь главнѣйшїе законы Малороссїянъ, могъ бы вычислить всѣ предоставленыя имъ преимущества; но боюсь обременить и наскучить такимъ описанїемъ. Загляни въ Статутъ Литовскїй, — ты найдешь тамъ всѣ законоположенїя и права Малороссїйскїя, кромѣ немногихъ — данныхъ Сеймами Польскими и потомъ Государями Россїйскими.

Не думай однакожъ, чтобы двоякїя права Малороссїянъ приносили имъ пользу; однѣ изъ нихъ часто лишаютъ тѣхъ выгодъ, которыя доставляютъ имъ другїя.

Я оставляю образъ правленія, не касаюсь обрядовъ религіи — Малороссіянами и чужеземныхъ народовъ занятыхъ (*); но хочу описать тебѣ нравственность ихъ, образъ жизни и нѣкоторыя обыкновенія. Однакожъ предупреждаю, что замѣчанія мои будутъ относиться токмо до простаго народа. Забуду людей образованныхъ и благовоспитанныхъ, умолчу о высшихъ званіяхъ здѣшнихъ жителей, не скажу ничего ни о Дворянствѣ, ни о купечествѣ; но займуся многочисленнѣйшимъ состояніемъ т. е. простолюдинами.

Дворянство, составляющее отличнѣйшую часть людей, не можетъ намъ дать понятія о нравахъ и обыкновеніяхъ той страны — которую мы наблюдаемъ. Обычаи онаго несвойственны всѣмъ состояніямъ; нравственность онаго не есть нравственность всеобщая; образованіе онаго не составляетъ образованія народнаго.

Духовенство, посвящающее себя на служеніе олтарю, имѣетъ безъ сомнѣнія

(*) Напр. обливательное крещеніе, свадебныя и другія не извѣстныя въ великой Россіи обыкновенія.

нѣкоторыя отличительные черты ему свойственыя, — но зависящія отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ званія и отъ обязанностей.

Купцы и Мѣщане занимающіеся торговлею, промыслами, рукодѣліями и составляющіе средину между Дворянствомъ и простымъ народомъ имѣютъ нравственность взятую отъ обоихъ состояній. Прибавьте къ тому нѣкоторыя и часто чужеземныя обыкновенія — занятыя въ тѣхъ мѣстахъ, куда завлекла ихъ торговля, — и вы будете имѣть понятіе о купцахъ и мѣщанахъ Малороссійскихъ.

Вотъ вышшія состоянія жителей Малороссійскихъ; но состоянія малочисленныя, состоянія—которыхъ нравственность зависитъ отъ многихъ случайныхъ обстоятельствъ и подвержена частымъ измѣненіямъ, а слѣдовательно и не составляетъ для наблюдателя нравственности общей; состоянія — которыя, по выраженію Даламберта, суть малые народы окруженные однимъ многочисленнѣйшимъ.

Оставимъ различныя состоянія людей, забудемъ отличія производящія меж-

ду ими неравенство, обратимся къ человѣку вообще; согласимся съ Руссо (*) въ томъ, что онъ одинаковъ во всѣхъ обществахъ и что слѣдовательно большее уваженіе наше заслуживаютъ многочисленнѣйшія изъ нихъ. Итакъ взглянемъ на простой народъ и разсмотримъ нравственность онаго.

Малороссіяне благоговѣютъ къ Религіи и непреклонны въ священныхъ истинахъ оной. Раскольники между ими мало извѣстны.

Малороссіяне пламенно любятъ отчизну свою и помнятъ славу предковъ своихъ,—не навидя тѣхъ изъ нихъ, которые очернили имяна свои презрителвными поступками. Нѣтъ для нихъ ничего ужаснѣе, какъ имя Мазепы; они забываютъ себя отъ ярости при семъ ругательствѣ.

Воинственный духъ древнихъ Козаковъ Малороссійскихъ не погасъ въ потомкахъ ихъ: они всегда съ радостію идутъ сражаться за Вѣру, Государя и ту землю,—на которой прославились предки

(*) Pensées de Rousseau.

ихъ, на которой родились они, взросли и на которой привыкли вспоминать громкія дѣла Свиргковскихъ, Наливайковъ и Хмѣльницкихъ. Названіе козака лестно для слуха ихъ; они неравнодушно произносятъ его.

Малороссіяне честны, въ словахъ тверды и мужественны.

Домашняя жизнь и семейственное согласіе Малороссіянъ достойны уваженія. Почтеніе и любовь, — къ которымъ пріучаются они съ малолѣтства, — дѣлаетъ ихъ послушными сыновьями, добрыми супругами и хорошими отцами; а свято сохраняемая здѣсь вѣрность супружеская изгоняетъ изъ семѣйствъ ревность — злѣйшаго врага спокойствія. Къ сожалѣнію однакожъ дружба невсегда соединяетъ здѣсь братьевъ, — и раздоры часто царствуютъ между женами ихъ.

Къ чести Малороссіянъ цѣломудріе свято сохраняется ими, не смотря на вольность обхожденія между обоими полами позволенную. Молодые мужчины, хотя всегда свободно шутятъ и играютъ съ дѣвушками; но привыкли ограничивать

желанія свои, не смѣютъ далеко простирать дерзкихъ требованій и довольствуются поцѣлуями — срываемыми со щекъ незастенчивыхъ Малороссіянокъ, — которыхъ горделивая походка, вольность и рѣшительная твердость во всѣхъ поступкахъ показываютъ мужество женщинамъ необыкновенное и часто отнимающее у нихъ прелести.

Чувствуя любовь, Малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся. Ежели сердца ихъ созданы любить другъ друга; то они бросаются на колена предъ отцомъ съ матерью и съ свойственнымъ языку сердца краснорѣчіемъ умоляютъ соединить ихъ. Съ той минуты, въ которую нѣжныя чувствованія сердецъ увѣнчаются согласіемъ родныхъ, они носятъ названіе жениха и невѣсты — названія дающія имъ право всегда быть вмѣстѣ и позволяющія нѣкоторыя невинныя шутки. Восходящее солнце освѣщаетъ ихъ во взаимныхъ ласкахъ, вечерняя звѣзда застаетъ ихъ въ томъ же положеніи; а не рѣдко и мрачная завѣса ночи скрываетъ ихъ по-

коющихся сладкимъ сномъ въ объятїяхъ другъ друга.

Но горе тому, кто употребитъ во зло сїю свободу! Стыдъ, поношенїе и даже презрѣнїе ожидаютъ какъ ихъ—такъ и отцовъ съ матерями.

Малороссїяне болѣе, можетъ быть, нежели всѣ извѣстные народы способны хранить ввѣренныя тайны; но добродѣтель сїя часто обращается въ порокъ и производитъ скрытность.

Воровство было презрительнѣйшимъ проступкомъ у самыхъ древныхъ Малороссїянъ; — оно и теперь здѣсь въ омерзенїи.

Замѣчу тебѣ наконецъ: что изобилїе въ прекрасныхъ картинахъ природы, щедрость земли и счастливый климатъ Малороссїи дѣлаютъ жителей здѣшнихъ веселыми и склонными къ забавамъ.

Съ сими свойствами они бы могли назвать себя счастливцами, ежели бы большая часть ихъ была попечительнѣе и пользовалась, Творцемъ дарованными, сокровищами.

Я видѣлъ большую часть Малороссіи, видѣлъ всю Полтавскую Губернію, — и всегда называю ее съ Линнеемъ *прекраснѣйшею, но мало обработанною страною* (*).

Благорастворенный воздухъ и плодородныя земли давали бы жителямъ здѣшнимъ право называться любимыми дѣтьми природы; ежели бы она многихъ изъ нихъ не лишила нужнѣйшей къ благосостоянію человѣка добродѣтели — трудолюбія, а чрезъ то и средствъ быть богатыми.

Бѣдность Малороссійскаго народа на каждомъ шагу ощутительна; особливо для того, кто видитъ, — что она произходитъ отъ безпечности и увеличивается мнимымъ источникомъ богатства здѣшнихъ поселянъ т. е. свободою винокуренія, которая отвлекаетъ ихъ отъ работы и доставляетъ всегда средства удобно за дешевую цѣну имѣть вино.

Женскій полъ здѣсь трудолюбивѣе мужескаго. Малороссіянки не только заботятся о малюткахъ и старикахъ, не

(*) Systema naturae.

только пекутся о приуготовленіи всего нужнаго для домашней жизни; но и отправляютъ работы мужчинъ,—съ которыми живутъ онѣ въ согласіи, исполняя желанія и волю ихъ, не будучи однакожъ въ рабскомъ повиновеніи.

Нѣкоторые обвиняютъ Малороссіянъ въ гордости и непокорливости; другіе приписываютъ имъ злопамятность и лукавство.

Боюсь повторить мнѣніе послѣднихъ; но скажу тоже, что первые утверждаютъ: ибо свойства, ими замѣченныя, показываютъ остатокъ древняго духа.

Малороссіяне имѣютъ много добродѣтелей; но имѣютъ и пороки также, какъ всѣ народы. Однакожъ мы большею частію, не замѣчая въ нихъ первыхъ, обращаемъ вниманіе на послѣдніе. Причиною тому, кажется, недостатокъ въ ласковости и обходительности,—которыя всегда привлекаютъ насъ и предупреждаютъ съ перваго взгляда въ пользу людей ими одаренныхъ.

Терпѣніе жителей здѣшнихъ достойно удивленія; но бойся вывести ихъ изъ онаго, бойся раздражить ихъ!

Къ сожалѣнію я долженъ заключить описаніе нравственности Малороссіянъ неприятною чертою; къ сожалѣнію я долженъ наконецъ тебѣ сказать о ненависти ихъ къ Великороссіянамъ. Ты легко можешь здѣсь въ томъ удостовѣриться; ибо часто услышишь ихъ говорящихъ: *Добрый чоловикъ, да Москалѣ*.

Но етаго еще мало: они переливаютъ чувство сіе въ самыхъ малютокъ и пугаютъ ихъ *Москалями*. При семъ имяни устрашенное дитя перестаетъ кричать.

Еще повторю тебѣ: пробѣги бытописанія Малороссіи; ты, можетъ быть, найдешъ въ нихъ источникъ сего ужаснаго и пагубнаго чувства.

Суевѣрія и предразсудки, которымъ подвержены Малороссіяне, не могутъ быть названы пороками; потому что они общи всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ племянамъ; потому что всѣ люди, особливо непросвѣщенные, заражены ими; потому что нѣтъ народа столь счастливаго, которой бы ихъ не имѣлъ. Волтеръ почти справедливо думалъ, — называя суевѣріе эпидемическою

болѣзнію, которую часто ощущаютъ и самыя твердыя души (*).

Согласись со мною и не требуй отъ меня описаній тѣхъ странныхъ, смѣшныхъ а иногда достойныхъ сожалѣнія обрядовъ,—которые Малороссіяне получили или отъ предковъ нашихъ — идоламъ покланявшихся, или отъ чужеземныхъ народовъ. Не любопытствуй о праздникахъ Колядьі, Купалы и другихъ. Не заставляй меня разказывать тебѣ: какъ душа человѣческая, по мнѣнію жителей здѣшнихъ, должна,—разлучась съ тѣломъ—странствовать и омываться, доколѣ очистится. Не спрашивай меня о колдунахъ, оборотняхъ, вѣдьмахъ, домовыхъ и объ ужасѣ,—который наводятъ они необразованнымъ простолюдинамъ.

Забудемъ это—и обратимся къ физическимъ качествамъ Малороссіянъ.

Наружность ихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто важное; умныя лица и усы, при крѣпкомъ сложеніи, обритой бородѣ и высокомъ ростѣ,— придаютъ имъ величественный видъ. Жаль что они неповоротливы.

(*) Oeuvres de Voltaire.

Статныя, плотныя, по большей части темнорусыя и круглолицыя Малороссїянки вообще не дурны,—хотя красотки между ними рѣдки.

Малороссїяне, какъ кажется, нѣсколько чувствуютъ красоту въ Архитектурѣ: ихъ вкусъ довольно образованъ природою.

Деревни ихъ, разположенныя большею частїю на горахъ—у подошвы которыхъ текутъ рѣки, или на прекрасныхъ долинахъ,— и домà выбѣленные какъ снаружи такъ и внутри, представляютъ издали приятный видъ.

Они живутъ хорошо, чисто и опрятно. Избы ихъ или *хаты* суть прекрасныя комнатки—просто но хорошо убранныя и раздѣленныя большею частїю на двѣ половины. Печи, съ трубами въ нихъ сдѣланныя, предохраняютъ отъ дыму.

Малороссїяне въ пищѣ разборчивы и умѣютъ со вкусомъ приготовлять ее. Природныя ихъ кушанья: вареники, галущки, жирной борщъ—очень вкусны. Къ тому жъ замѣтить надобно, что пища остающаяся

отъ обѣда не употребляется ими въ ужинѣ, но варится свѣжая.

Охота ихъ къ простымъ картинамъ, которыми убираютъ комнаты, показываетъ — что они любятъ живопись

Пляска Малороссіянъ стройна и прекрасна. Пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и не рѣдко протяжны. Иго, которое носили они нѣсколько столѣтій, оставило въ нихъ сію унылость.

О голосахъ ихъ нечего тебѣ говорить: гибкостію, чистотою и пріятностію оныхъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи. Ты знаешъ, что придворная музыка пѣвческая составлена почти изъ однихъ Малороссіянъ.

Теперь нѣсколько словъ объ языкѣ Малороссійскомъ,

Онъ произходитъ отъ древняго Славянскаго; но смѣшанъ съ Нѣмецкими, Латинскими и Польскими перековерканными словами: отъ чего дѣлается почти не понятнымъ Великороссіянину. По множеству иностранныхъ выраженій и особенныхъ оборотовъ составляетъ онъ самое отдаленнѣйшее нарѣчіе языка Россійскаго.

Онъ хотя и не имѣетъ правилъ; однакожъ нѣкоторые ученые Малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ: перелицованная Энеида — прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе — служитъ тому доказательствомъ.

При всемъ томъ, до сего времяни онъ составляетъ только языкъ народа. Но ежели геніи здѣшней стороны обратятъ на него вниманіе свое и образуютъ оной, ограничивъ положительными правилами грамматики; тогда Малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщеннѣйшими народами Европы.

Тщетна сія надежда; ибо нѣтъ къ тому побудительныхъ причинъ. Да и возможность составить языкъ изъ нарѣчія — оставленнаго почти всѣми образованными коренными жителями здѣшней стороны, — есть самая малая! —

II. ЖИВОПИСНАЯ ПРОЗА.

Еще нѣсколько моихъ воспоминанiй.

(Окончанiе.)

Discite, quam parvo liceat producere vitam,
Et quantum Natura petat. . . . . .

По убѣжденiю моихъ приятелей намѣревался я долго еще продолжать повѣствованiе воспоминанiй, оставшихся у меня о многихъ мѣстахъ и особахъ; — но для привлекательнаго описанiя первыхъ произшествiй жизни нужно краснорѣчивое перо пламеннаго человѣка; а я живу уже шестой десятокъ! Между тѣмъ ободряюсь мыслiю, что любящiе меня не безъ удовольствiя прочтутъ писанное больше по внушенiю сердца, нежели съ помощiю ума.

На счетъ Кiевской моей жизни скажу только: бывъ по склонности и правиламъ удаленъ отъ всего того, что имѣетъ хотя малѣйшiй видъ гордости и чванства; почитая неизвѣстность за неоцѣненное благо, ко-

торымъ милосердое небо меня благословило, — я не желаю наскучить читателямъ подробностями о рѣдкой благосклонности, коей нѣкогда удостоилъ меня великїй Суворовъ. Я имѣлъ щастїе находиться нѣсколько времяни при особѣ его чтецомъ; и сїе званїе подавало не рѣдко мнѣ случай бесѣдовать довольно свободно съ симъ истиннымъ Героемъ. Къ такой смѣлости не мало способствовала также и тогдашняя моя молодость, неопытность, совершенное невѣдѣнїе общественныхъ отношенїй. Я довольствуюсь уже слишкомъ для меня лестнымъ признанїемъ, что Графъ Суворовъ полюбилъ меня и старался удержать при себѣ весьма выгодными предложенїями, — но кои принять воспрепятствовали мнѣ воля отца моего, склонность къ первому моему званїю и совершенная моя неспособность къ военному ремеслу. Кардиналъ Императли часто говаривалъ, что фортуна одинъ только разъ въ жизни улыбается каждому; но и тутъ находитъ его или часто не готовымъ или неспособнымъ къ принятїю и употребленїю даровъ ея. — Пусть рѣшатъ

другіе, — къ какому классу принадлежу я. Какъ бы то ни было; а въ пылкой молодости, во время владычества страстей, обольстительныхъ мечтаній и блестящихъ надеждъ — питаемыхъ юнымъ сердцемъ и увеличиваемыхъ волшебной силою воспаленнаго воображенія, — я отказался отъ приманчивыхъ обѣщаній фортуны: и, нынѣ ставъ старикомъ, не сожалѣю о томъ — доволенъ настоящимъ состояніемъ. Но сіе прежнее обстоятельство принесло мнѣ важную пользу: ибо, сколь я ни есмь и ни кажусь ничего незначущимъ въ глазахъ публики; однакожъ позволено мнѣ питать нѣкоторое чувство уваженія къ самому себѣ, при воспоминаніи о ласкахъ и милостяхъ великаго Суворова ко мнѣ бѣдному учителю. Строго судящіе назовутъ это признаніе нестерпимою гордостію, а снисходительное дружество извинитъ его. Не мнѣ судить объ удивительныхъ дарованіяхъ, блистательныхъ побѣдахъ и громкой славѣ Полководца; но никто не вмѣнитъ въ преступленіе честному и чувствительному сердцу — изліяніе бла-

годарныхъ чувствъ. Памятникъ, возвигнутый благодарностію тверже мрамора и мѣди; онъ посмѣвается разрушительной силѣ времяни. Я жалѣю о томъ только, что виновное мое нерадѣніе лишило публику писемъ, — коими нѣкогда ощастливилъ меня Суворовъ; извѣстные же мнѣ о немъ анекдоты разказываю однимъ короткимъ приятелямъ, привыкши открывать имъ всѣ мои мысли. . . .

Великіе предмѣты, сильно потрясая душу, раждаютъ въ ней чувство безпредѣльности какъ то: необозримое море, пространная равнина — теряющаяся въ синемъ горизонтѣ, высокія горы, величественныя деревья, дремучїй лѣсъ, развалины — изъ которыхъ нѣкїй духъ древняго вѣка вѣщаетъ въ унылом сѣтованіи. Желаніе видѣть море привело меня въ Таганрогъ; удивительно, какъ торговля — основанная на частной корысти служитъ къ общественнымъ выгодамъ и разливаетъ жизнь и обиліе посреди пустынь; какъ различіе нуждъ и прихотей, недостатокъ и избытокъ въ произведенїяхъ природы и въ издѣліяхъ человѣческой промышленно-

сти — соединяютъ людей и вызываютъ ихъ изъ отдаленнѣйшихъ странъ. . . .

Разнообразїе нарядовъ, языковъ, обычаевъ и характеровъ доставляетъ обыкновенному уму многоразличное и приятное зрѣлище; а наблюдатель находитъ въ томъ многое для размышленїя. Водимый любопытствомъ, я охотно предавался впечатлѣнїямъ новыхъ для меня предмѣтовъ; но сїе неестественное положенїе продолжалось недолго: я скоро переходилъ отъ удивленїя къ внимательному изслѣдованїю — и напослѣдокъ отъ частаго обращенїя съ одними и тѣми же предмѣтами къ равнодушїю, къ привычкѣ, — отъ которой лучшїя вещи теряютъ свою цѣну. Вѣчные разговоры о продажѣ и покупкѣ товаровъ, о прибыли и убыткѣ — усугубили во мнѣ природное отвращенїе отъ бесѣдъ основанныхъ единственно на коммерческихъ оборотахъ и на расчетахъ денежныхъ. Мы конечно не одинаково судимъ о вещахъ, имѣющихъ различныя точки зрѣнїя: лѣкари и аптекари не судятъ о цвѣтахъ такъ, какъ любители оныхъ. Состоянїе имѣетъ ощути-

тельное вліяніе на нравы, на вкусъ и на сужденіе. Торговля оживотворяетъ и обогащаетъ всякую страну; а деньги душа торговли: но ученый бѣднякъ неминуемо почувствуетъ скуку въ портахъ, гдѣ онъ ничѣмъ не торгуетъ; потому что его товаръ ни во что не ставится. На нахальный вопросъ одного пересмѣшника остроумный Мендельзонъ отвѣчалъ съ кроткою улыбкою: вы, сударь, конечно не купите моего товара. — О когда бы добродѣтели съ достоинствами сердца и ума содѣлались также предмѣтами коммерціи и сношеній между народами! Какое пріобрѣтеніе было бы тогда для мыслящихъ существъ, соединяемыхъ человѣколюбіемъ и взаимными благодѣяніями!! Бывали знаменитые писатели — одаренные фортуною; но гораздо больше бывало такихъ, кои томилися въ бѣдности и кои больше заслуживали уваженія въ потомствѣ тѣмъ — что трудилися неутомимо для неблагодарныхъ современниковъ презиравшихъ ихъ. Нѣжныя и кроткія Музы гнушаются корыстолюбіемъ; пламя генія болѣе тухнетъ отъ богатства, нежели отъ

бѣдности. Золото! золото! для пріобрѣтенія тебя пашутъ, торгуютъ, плаваютъ по морямъ, путешествуютъ, оставляютъ родныхъ и друзей, учатся, пишутъ книги, безпокоются, мучатся, не спятъ . . . . . . Virtus post nummos . . .

Dicite, P. , in templo, quid facit aurum! и мечтаютъ при накопленіи сокровищъ о возвращеніи райской жизни на землю. Однакожъ прямое щастіе не въ деньгахъ состоитъ, — но въ здоровьѣ, весельи, спокойствіи сердца и совѣсти, въ умѣренномъ наслажденіи благами, коими намъ дозволено пользоваться на малое время. Отъ богатства же всегда раждается роскошъ; отъ роскоши пресыщеніе, скука, жадность и скупость: гаснутъ и пламенники нѣжнаго Гименея; прелестныя Граціи скорбятъ о разлукѣ съ нимъ и уже не присутствуютъ при заключеніи союзовъ любви и дружбы. Красота и другія достоинства замѣняются сіяніемъ Голкондскихъ каменьевъ и Перуанскихъ сокровищъ. Небесная любовь уже не удѣлъ сердецъ, а предмѣтъ денежнаго расчета. Къ чему столько заботъ и денегъ?

Нужно, говорятъ, необходимое для себя и для потомства. . . Но мысль сїя не имѣетъ ни какого смысла; и, по свойству ненасытныхъ человѣческихъ желанїй, по заразительному примѣру другихъ, — необходимое есть бездна, которую обладанїе цѣлаго свѣта не можетъ наполнить. Tout ce que nous voulons au delà de ce que la Nature peut nous donner, est peine; rien n'est plaisir que ce qu'elle nous offre — справедливо говоритъ Бюфонъ. Благородная простота нравовъ и вкуса украшаетъ жизнь, возвращая намъ блаженство дней молодости, — коихъ память столь сладостна отъ того, что дни текли въ радости и невинности безъ бурь отъ буйныхъ страстей своихъ и чужихъ. Одна добродѣтель, чистая Религїя и спокойная совѣсть облагороживаютъ наши радости и ублажаютъ жизнь; они усыпаютъ путь ко гробу неувядающими цвѣтами. Порокъ же, подобно ядовитому дуновенїю, все портитъ — все отравляетъ — все мертвитъ!!... Въ Таганрогѣ отмѣнно понравилась мнѣ опрятность домовъ съ галлереями, чистота простыхъ мебелей,

видѣ достатка въ одеждѣ жителей, приятное зрѣлище непринужденнаго веселья и согласія въ обществахъ — въ пиршествахъ; удаленіе отъ пышности при изобиліи и какой-то родъ свободы — равенства, при избѣжаніи грубыхъ и ненавистныхъ предразсудковъ, водворяющихъ раздорь и вражду между членами обществъ. Душею обществъ былъ тогда покойный Г. М. П. Ф. Бачмановъ по веселому расположенію духа, простодушію и рѣдкому гостеприимству. Жаль только, что чиновники въ Таганрогѣ подобно морскому приливу и отливу то приѣзжаютъ, то уѣзжаютъ; и оттого знакомства также скоро разрушаются, какъ и составлялись. Въ бытность мою, тамъ я былъ знакомъ со многими Греками. Я ихъ люблю по привычкѣ съ молодыхъ лѣтъ любить и почитать Ликурга, Солона, Сократа, Платона, Ксенофонта, Епаминонда, Леонида, Аристида. . . Между Таганрогскими Греками я нашелъ многія почтенныя имяна древнихъ Грековъ; но какая розница между словомъ и дѣломъ, между исторіею и романомъ! Жаль, что

я не спросилъ у знакомыхъ своихъ: какого они мнѣнія о славныхъ ихъ предкахъ, — кои при оцѣнкѣ благъ жизни (*) въ городѣ Олимпіи опредѣлили первое мѣсто добродѣтели, второе мудрости, третье здоровью, а послѣднее богатству. Я высоко цѣню слова одного древняго мудреца: вы отправляетесь въ Аѳины, благоговѣйте къ Минервѣ; но гораздо превосходнѣе сихъ словъ произнесенное небесною премудростію: соберите сокровища, коихъ ни червь, ни моль не поѣдаютъ. — Innocui vivite, Numen adest — было написано на дверяхъ кабинета безсмертнаго Линнея.

Отъ Х... до Т... нѣтъ красивыхъ мѣстоположеній; выключая Чугуевъ и Р. по дорогѣ въ Гнилицу, гдѣ не давно скончалась къ великому прискорбію родныхъ и знакомыхъ Т. Г. Ш.., дама отличная благочестіемъ, гостепріимствомъ и ревностнымъ исполненіемъ семейственныхъ обязанностей; выключая Богосл...

(*) Смотрите примѣчанія на Грековъ и ихъ защищеніе въ Путешествіи Г. Волнея.

гдѣ кончила дни В. А. Ш.. достойная подражанїя особа, какъ дочь, супруга, мать и госпожа. Я охотно упоминаю о умершихъ особахъ прекраснаго пола; просвѣщенная, добрая, скромная и кроткая женщина имѣетъ нѣчто небесное. Она-то есть первѣйшее изъ тѣхъ благъ, коими природа привязываетъ мущинъ къ жизни и къ обществу. . . . .

За Изюмомъ съ горы видно многоразличное пространство. Природа вездѣ приятна и богата; она вездѣ печется нѣжно о чадахъ своихъ и ея матернее попеченїе усугубляется по мѣрѣ слабости ихъ, какъ то доказываетъ ученїе натуры способное къ уничиженїю самолюбїя тѣхъ, — кои думаютъ, что они преимущественно бываютъ цѣлїю ея вниманїя. Приятно путешествовать между лугами, гдѣ пасутся многочисленныя стада животныхъ; приятно смотрѣть на хлѣбъ цвѣтущїй въ скромной простотѣ въ то время, какъ другїя изпещренные цвѣты гордо поднимаютъ свои головки. Скромность всегда сопутствуетъ истиннымъ достоинствамъ; подобно тому, какъ зернами отягченныя

колосы смиренно наклоняются. Отъ прелестныхъ цвѣтовъ не всегда родятся превосходные плоды: дерево познается по плодамъ, вѣщала небесная Премудрость! Слова еще болѣе обманиваютъ, нежели наружность. Хлѣбная былинка и виноградная лоза доставили Бахусу и Церерѣ божественныя почести; но и не говорятъ у насъ о томъ человѣкѣ, который обогатилъ Европу полезнѣйшимъ растѣнiемъ— картофелемъ. Такъ-то презираются иные подъ одеждою бѣдности, хотя они внутреннимъ достоинствомъ лучше разубранныхъ Селадоновъ.

Въ Буг. . . прекрасные сады; они заслуживаютъ вниманiе тѣмъ болѣе, что находишь въ нихъ нечаянно уголки прелестной Аркадiи по степнымъ мѣстамъ— и купно приятность гостеприимства, свободы, веселья и удовольствiя.

На первой Донской станцiи по Таганрогской дорогѣ учительское мое самолюбiе было нѣсколько оскорблено обиднымъ обхожденiемъ Г. Писаря,—которой, принявъ съ презрѣнiемъ подорожную, сказалъ съ насмѣшкою: Г. Учитель весьма не ве-

ликая фигура. Чувствуя въ полной мѣрѣ всю важность учительскаго званія, когда исполненіе соотвѣтствуетъ благороднѣйшей его цѣли, я принялъ важной видъ и сталъ говорить Г. Писарю о не приличномъ его положеніи въ необыкновенное время — (это было очень рано) и какъ необходимо нужны учтивость и скорое отправленіе проѣзжающихъ по человѣчеству и по должности. На первое представленіе онъ возразилъ, что его положеніе дѣло житейское; а на второе, что онъ не принимаетъ наставленій отъ такихъ неважныхъ лицъ каковъ я. Не уже ли я похожъ на Рыцаря печальнаго образа? Правду сказать, фигура моя не весьма интересное рекомендательное письмо; при томъ взглянулъ я и на бѣдность моего экипажа. Притѣсненіе производитъ хитрость: я сталъ ему грозить не взысканіемъ моего Т... Директора, съ коимъ онъ вѣрно не поступилъ бы лучше, чѣмъ со мною; не властью Почтдиректора; а отвѣтственностію передъ Градоначальникомъ, у котораго я надѣялся играть немаловажную ролю. Тогда Писарь, перемѣнивъ тонъ и отвѣсивъ мнѣ низкой по-

клонъ, сказалъ: ну полно, ваше благородїе, сердиться; чего не бываетъ въ свѣтѣ? грѣхъ пополамъ! (слушайте) и я былъ немедленно отправленъ далѣе.

До сего забавнаго приключенїя, одинъ почтарь почти еще мальчикъ поступалъ жестоко съ лошадьми. Во все не терпя, чтобы худо обходились со скотами, — когда это отъ меня зависитъ, я началъ бранить мальчика и укорять его въ немилосердїи. — Что вы, пане, изволите такъ много безпокоиться и жалѣть о сихъ коняхъ? вѣдь они не наши, а Жидовскїе.— Лжешь, мальчикъ: гдѣжъ Жидъ ихъ купилъ? — Въ нашемъ селѣ. — Стало быть лошади одного рода съ тѣми, что и у крестьянъ. А ты, дружокъ, у кого живешь? — у Жида же. — Хорошо ли онъ тебя содержитъ? — Да, пане, очень хорошо.— Такъ видишь ли, какъ ты несправедливъ и сколько грѣшишъ противъ благодарности! Чѣмъ лошади виноваты, что онѣ Жидовскїя?.. Не слыхалъ ли ты отъ священника или отъ какого либо добраго крестьянина: *блаженъ кто и скотъ милуетъ?* Тутъ сказано о живот-

ныхъ вообще, безъ разбора людей и народовъ — Удивленный сими словами мальчикъ далъ мнѣ слово впередъ поступать хорошо со скотами, чьи бы впрочемъ они ни были.

Въ проѣздъ мой изъ Таганрога въ Херсонъ попался мнѣ Донской почтарь, который напротивъ *очень ласково обходился* съ лошадьми; и для отвлеченія меня отъ скорой ѣзды по пустынямъ — старался разогнать мою скуку разными исторійками. Вотъ между прочимъ одно его разсужденіе, которое рѣдко входитъ въ голову почтаря: — Ахъ, баринъ, — естьли бы мы боялись Бога и Ему повиновались, хотя вполовину того какъ мы уважаемъ начальниковъ и имъ повинуемся; то былобъ хорошо жить на свѣтѣ!! — Да, мой другъ! естьлибъ мы имѣли другъ къ другу хоть половину той любви, которую ты имѣешъ къ своимъ лошадямъ; то и свѣтъ былъ бы на чтонибудь похожъ! — Онъ понялъ меня, засмѣялся, ударилъ по всѣмъ по тремъ и мы помчались въ Маріуполь. . . .

Въ бытность мою въ Т. я любилъ задумавшись ходить по валамъ крѣпости, устроенной по плану — начертанному царскою рукою безсмертнаго Петра I. Оттуда видѣть можно, какъ пристающіе къ берегамъ Меотійскаго Озера выгружаются суда, — и золотыя яблока уже не стерегомыя страшными драконами, а нынѣ ростущія въ прекрасныхъ поляхъ отечества Геркулеса и Аргонавтовъ. Я любилъ изъ дубовой рощи смотрѣть то на гладкое, то на волнующееся море и дремать при шумѣ вѣтровъ. —

Какъ путешественникъ, я прощаюся теперь съ читателями, благодаря усердно — незнакомыхъ за ихъ великодушное терпѣніе, а знакомыхъ за снисходительное вниманіе. Это еще не послѣдки изъ странической моей сумки; но... sit modus in rebus...

Вѣчная благодарность да будетъ посвящена добрымъ и честнымъ моимъ родителямъ, жертвовавшимъ послѣднею трудовою копѣйкою для образованія слабыхъ моихъ способностей, — равно и всѣмъ моимъ учителямъ. C'est être un monstre que de ne pas aimer ceux qui ont cultivé notre âme. *V.*

Пусть невѣжа бранитъ просвѣщеннаго; но онъ ему тайно завидуетъ и притворяется презирающимъ то, что внутренно чтитъ, — а приобрѣсть отчаевается. Le bonheur est dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire, soit au milieu de l'éclat de la gloire, soit dans l'obscurité d'une retraite paisible. Науки усугубляютъ наслажденіе богатыхъ; а бѣднымъ доставляютъ пособіе, уваженіе и утѣшеніе. Онѣ-то суть лучи небеснаго разумѣнія, которое управляетъ Вселенною. Блаженъ тотъ, кому сопутствуетъ любомудріе и кѣмъ оно руководствуетъ до гроба! По добродѣтели нѣтъ ничего достойнѣе уваженія нашего, какъ науки: и можетъ ли истинное просвѣщеніе быть разлучено съ добродѣтелію? Чрезъ любомудріе мы научаемся сносить мужественно печальныя и бѣдственныя приключенія жизни, покорствуя опредѣленіямъ небеснаго Отца. Въ Его святой десницѣ находятся жребіи нашей жизни; и Онъ ихъ разпоряжаетъ такъ, какъ требуетъ истинное наше благополучіе. Мудрая книга есть вѣрнѣйшій другъ, полезнѣйшій наставникъ, нелице-

мѣрный и усердный утѣшитель. Истинная философія есть дщерь небесъ, искра Божества, источникъ добродѣтели, свѣтъ разума, — долженствующій нами управлять во всю жизнь; а не ложное просвѣщеніе, сей пагубный плодъ страстей ничѣмъ ненасыщаемыхъ, сей бичь общества и человѣчества! Кто часто пьетъ изъ ядоносной чаши необузданныхъ страстей; у того остается неутомимая жажда, которая въ старости дѣлается неизцѣльною. Кто на противъ руководствуется Христіанскою мудростію и сердечною склонностію къ добродѣтели, тотъ столько же возвышенъ надъ другими человѣками, сколько обыкновенный человѣкъ надъ безсловесными. Безъ Бога и безъ Религіи театральныя наши добродѣтели едвали лучше явныхъ пороковъ; и писатели, вдохновенные мудростію — основанною на чистой Религіи, еще достойнѣе нашего уваженія своимъ благочестіемъ — нежели дарованіями. Всѣ науки ничто безъ науки любить Бога и ближняго; вотъ предмѣтъ достойный всѣхъ стремленій души и сердца! Боже-

ство есть истинная и единственная цѣль нашихъ желанiй. Мiроздавiе есть мысль Творца; Евангелiе изъясняетъ сiю мысль. Христiанскiй законъ научаетъ насъ быть кроткими, смиренномудрыми, добрыми, добродѣтельными, благочестивыми, покорными, спокойными, щасливыми и благонадежными, показывая намъ суетность нашихъ гордыхъ затѣй. —

Да будутъ благословенны Библейскiя Общества, коихъ цѣль есть разпространенiе и чтенiе священныхъ книгъ — содержащихъ утѣшительную и спасительную Религiю, — которая, по словамъ одного Французскаго Депутата, одна можетъ истребить ненависть, умягчить злобу, преклонить гордыню, привесть къ прощенiю оскорбленiй, залѣчить сердца разтерзанныя и содѣлывать изъ всѣхъ людей одно семейство — собранное въ объятiя наидобрѣйшаго Отца.

Иванъ Вехнетъ.

С. Бугаевка
21 Iюля 1816 года.

Изображенie одного предмета тремя знаменитыми Авторами.

Совѣсть.

(Изъ Массильона).

Тайными смятенiями и угрызенiемъ совѣсти мы повсюду оказываемъ наше благоговѣнiе къ святости добродѣтели, нами нарушаемой; скука и печаль, неразлучныя съ преступленiемъ, внушаютъ намъ ту мысль, — что порядокъ и невинность суть единственное наше достоянiе на землѣ. Какъ бы мы ни силились принять видъ безстрашiя, — преступная совѣсть сама себя изобличаетъ. Ужасныя страшилища повсюду намъ предшествуютъ; уединенiе смущаетъ насъ; тьма приводитъ въ трепетъ; привидѣнiя, со всѣхъ сторонъ устремляющiяся, безпрерывно насъ укоряютъ въ сокровенныхъ ужасахъ души нашей; страшныя сновидѣнiя наполняютъ воображенiе наше мрачными представленiями; — преступленiе, вслѣдъ котораго мы поспѣшаемъ съ толикимъ удовольствiемъ, преслѣдуетъ насъ

и, подобно кровожадному врану, терзаетъ сердце наше въ наказанїе за прежнее удовольствїе — имъ самимъ намъ доставленное.

(*Изъ Шатобрїана*).

Совѣсть есть доказательство безсмертїя души нашей. Каждый человѣкъ имѣетъ въ сердцѣ своемъ судилище, — въ которомъ онъ судитъ самъ себя прежде, нежели верховный Судїя подтвердитъ приговоръ его. Естьли порокъ есть необходимое (физическое) слѣдствїе нашего устроенїя (организацїи); то отъ чего происходитъ ужасъ, смущающїй дни преступнаго блаженства? Отъ чего грызенїе совѣсти толико страшно, — что легче покоряться бѣдности и всей строгости добродѣтели, нежели беззаконно приобрѣтать имущества? — Отъ чего кровь вопїетъ и камень прорицаетъ? Тигръ растерзавшїй свою добычу — спитъ; человѣкъ сдѣлавшїй убїйство — терзается безсонницею, бѣжитъ въ уединенныя мѣста, — и самое уединенїе устрашаетъ

немъ ея нарицаетъ преступленія. Бывъ отвергнута — она оскорбляется, молчитъ, не отвѣчаетъ намъ;—и послѣ столь продолжительнаго пренебреженія къ ней— такъ же трудно бываетъ возвратить ее, сколь нелегко было изгнать.

Съ Франц. *Александра Каменская.*

Дружба.

(Изъ Ласеледа.)

Высокая страсть, чувство душъ великихъ, благополучіе міра, — при которомъ всѣ нещастія изчезаютъ или ослабѣваютъ и всѣ блага украшаются и умножаются— священная дружба! одно твое имя напоминаетъ уже мнѣ всѣ удовольствія моей жизни. Геройская страсть, коей чистѣйшее пламя возжигается чувствами и одушевляется умомъ! Утѣшительная добродѣтель, которою Верховное Существо надѣлило человѣка для вознагражденія опасныхъ слѣдствій отъ изпорченнаго разсудка; благодѣтельное чувство, безъ котораго

нѣтъ для насъ щастія! И что за щастїе, о которомъ нельзя сказать своему другу? Небесная добродѣтель! имя твое часто оскверняютъ и изкажаютъ образъ твой; люди обожаютъ тебя даже не зная тебя. Великодушная и величественная страсть! ты улучшаешъ наше бытїе и заставляешъ жить только для друга, избраннаго нами по сердцу! — тебя я хочу изобразить.

Никогда тотъ, чье сердце возжено тихимъ пламенемъ священной дружбы, не испыталъ столь живѣйшаго чувства,— какъ во время, когда другъ имъ обожаемый имѣетъ въ немъ великую нужду; онъ слѣдуетъ за нимъ и въ самомъ жестокомъ нещастїи; соединяется съ нимъ, чтобы уже никогда не разлучаться; самая холодность избраннаго не можетъ погасить въ немъ небеснаго огня, коимъ онъ пылаетъ; любитъ даже неблагодарнаго, невѣрнаго священнымъ законамъ дружбы; онъ только сожалѣетъ о немъ, прощаетъ ему обиды; сокрушается, но все не менѣе любитъ; жертвуетъ ему собственнымъ щастїемъ; хочетъ умереть за своего Ореста и желаетъ, чтобы онъ того не зналъ. Душа его сливается

съ душею друга; одни у нихъ желанія, побужденія, склонности. Естьли смерть все разлучающая похищаетъ предмѣтъ его нѣжнѣйшихъ чувствованій, — онъ его сопровождаетъ съ твердостію до самой могилы; и сіи роковыя минуты усѣяваетъ еще приятностями и утѣшаетъ себя тогда, какъ лишается всего невозвратно; но когда уже и надежда оставляетъ его, безутѣшный предается своей горести и проливаетъ слезы; — одинъ среди безмолвія мрачныхъ лѣсовъ, оплакиваетъ свою потерю, наслаждается возпоминаніемъ, мнимымъ представленіемъ своего друга; томитъ сердце, коего чувства не могутъ уже болѣе изливаться — и жизнь, посвященную другому, для себя щитаетъ онъ безполезною.

Иногда во время ночной темноты ему представляется образъ друга среди слабаго свѣта; онъ разговариваетъ съ нимъ, какъ будто бы могъ его слышать! услаждаетъ свою горесть сею приятною и жестокою мечтою, бѣжитъ обнять обожаемую тѣнь — и къ крайнему огорченію своему схватываетъ только безчувствен-

ный мракъ: онъ проситъ его у ночи, у дня и наконецъ будучи уже не въ состоянїи перенести своей горести, совершенно предается печали, онъ умираетъ произнося имя своего друга.

Священное дружество! для чего не всѣ сердца возпламеняетъ твой чистѣйшїй огонь? для чего столь немногїе имѣютъ тебя въ душѣ, между тѣмъ какъ у всѣхъ ты во устахъ? для чего имя твое достойное того, чтобы произносила его одна лишъ добродѣтель, такъ часто служило завѣсою вѣроломныхъ измѣнъ и пагубныхъ умышленїй?

Глафира Шумлянская.

III. ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Приключеніе случившееся съ Тюренемъ.

(*Изъ Бланшарда.*)

Дѣти мои! вы безъ сомнѣнія найдете такихъ людей, кои скажутъ вамъ: что они видѣли страшилищъ, выходцевъ съ того свѣта, привидѣнія, мертвецовъ — которые ходили по ночамъ. Не вѣрьте такимъ людямъ, презирайте сіи нелѣпые разказы: такіе люди обыкновенно бываютъ несмысленны, легковѣрны и малоумны; они охотно выдаютъ за собственныя приключенія — сказки ими слышанныя и спѣшатъ повторять ихъ, — чтобы другимъ вдохнуть свой пустой страхъ и увѣрить въ томъ, чему они сами вѣрятъ отъ всего сердца. Этого мало; — вы найдете еще и такихъ людей, которые наговорятъ вамъ тьму небылицъ, — а не скажутъ, что все это они слышали отъ другихъ; станутъ утверждать напротивъ, что сами выдѣли такія чудеса собственными своими глазами. Между сими люд-

ми встрѣтятся даже особы почтенные и повидимому неспособные обманывать; но должно ли вѣрить и симъ особамъ? Нѣтъ, друзья мои; они конечно не захотятъ обмануть васъ, они сами твердо увѣрены въ томъ, будто были свидѣтелями необыкновенныхъ произшествій; — но въ такомъ случаѣ видимость, ихъ легковѣріе и боязнь обманули ихъ самихъ; естьли бы они, руководясь разсудкомъ и неустрашимостію, рачительно испытали то, — что имъ кажется сверьхъ естественнымъ; то, узнавши обманъ, убѣдились бы въ той истиннѣ: что Богъ не попускаетъ ничему совращаться съ обыкновенныхъ путей природы. На этотъ случай разкажу я вамъ два приключенія довольно странныя, изъ которыхъ научитесь вы, — какъ поступать въ подобныхъ обстоятельствахъ.

„Кардиналъ *Рецъ* говоритъ въ своихъ *Запискахъ*, что онъ однажды проводилъ вечеръ въ Сен-Клу въ домѣ Парижскаго Архіепископа — дяди его, съ Г-жею и Д-цею де Вандомъ, Г-жею де Шуази, Виконтомъ Тюренемъ, Епископомъ Лизьёзскимъ,

Г-дами Брїономъ и Вуатюромъ и проводилъ тамъ время столь приятно, — что всё сїе общество уже весьма поздно должно было возвращаться въ Парижъ.

Едва начинало разсвѣтать (это было лѣтомъ), когда они приближились къ спуску Простачковъ (des Bons hommes) при самой подошвѣ горы. Вдругъ карета ихъ останавливается; кучеръ, у котораго спрашиваютъ причину тому, отвѣчаетъ дрожащимъ голосомъ: „развѣ хотите, чтобы я переѣхалъ черезъ этихъ дьяволовъ, которые передо мною?„ Пять или шесть лакѣевъ, бывшїе назади, не смѣютъ отворить рта. Тюрень нимало небоясь выскакиваетъ изъ кареты и вынимаетъ шпагу; Кардиналъ схватываетъ другую и бѣжитъ соединиться съ нимъ. Посмотримъ на нихъ, сказалъ Тюрень; и посмотрѣвши прибавилъ: они въ самомъ дѣлѣ моглибы быть дьяволами! Прочїе оставались въ каретѣ совершенно оцѣпенѣвшими отъ ужаса.

Когда мы сдѣлали пять или шесть шаговъ со стороны Савонери, продолжаетъ Кардиналъ въ своихъ Запискахъ; то уви-

дѣли длинный рядъ черныхъ привидѣнїй. Признаться, съ начала я больше струсилъ, нежели Г. Тюрень; но вдругъ, когда пришло мнѣ на мысль, что я давно ищу *духовъ* и конечно найду ихъ здѣсь, — я быстро пустился впередъ. Бывшїе въ каретѣ, думая — что мы попались къ этимъ дьяволамъ въ когти, закричали изо всей мочи; но правду сказать, не они одни испугались Ктожъ, думали бы вы, были эти дьяволы? Бѣдные Августинцы, монахи называемые черными Капуцинами. Они, видя приближенїе двухъ человѣкъ со шпагами въ рукахъ, пришли въ великой страхъ; и одинъ изъ нихъ, отдѣляся отъ толпы, закричалъ намъ: господа, мы бѣдные монахи, не дѣлаемъ никому вреда и идемъ къ рѣкѣ, — что бы освѣжиться для здоровья„ Мы возвратились къ каретѣ съ такимъ хохотомъ, какой только можно вообразить себѣ. На другой день Тюрень признался мнѣ, что первое явленїе сихъ мнимыхъ привидѣнїй произвело въ немъ удовольствїе,—хотя прежде того онъ все думалъ что изпугается, естьли увидитъ что нибудь необыкновенное. А я ему признался,

что первый видъ привелъ меня въ содроганіе, — хотя мнѣ во всю мою жизнь хотѣлось видѣть духовъ."

Въ другой разъ Тюрень, путешествуя по одной Южной провинціи Французской, услышалъ о необитаемомъ замкѣ, — куда, какъ носилось, приходили духи. Желая короче узнать это, онъ пришелъ въ сіе мѣсто. Въ полночь вдругъ представляется Тюреню чудовище обремененное цѣпями и даетъ знакъ слѣдовать за нимъ. Пришедши въ одну изъ нижнихъ залъ замка, привидѣніе потрясло своими цѣпями, — и тотчасъ подъ ногами у нихъ открылась опускная дверь; Тюрень очутился въ подземельи среди толпы людей, которыхъ онъ тотчасъ по ремеслу ихъ призналъ за дѣлателей ложной монеты. Привиденіе сняло съ себя печальный уборъ и заняло мѣсто между своими товарищами.

Начальникъ шайки, обратившись къ Тюреню, сказалъ ему: безразсудный! что завело тебя сюда? Естьли ты не вѣрилъ, что обитатели сего мѣста суть существа сверхъ-естественныя; то по край-

ней мѣрѣ ты подумалъ бы, что имъ нужно быть неизвѣстными. Открывши насъ ты пропалъ безъ возврата, входъ твой въ сїе подземелье есть твой смертный приговоръ. — Смерть не устрашаетъ меня, возразилъ Тюренъ; узнайте, съ кѣмъ имѣете дѣло — и подумайте, что покусившись на мою жизнь, вы сами пропадете невозвратно: естьли я не ворочусь назадъ; то придутъ искать меня — и вы знаете, что приготовляетъ вамъ правосудїе . . . . . — Поелику ты Тюренъ, сказалъ начальникъ шайки; то мы знаемъ, что имѣемъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ и докажемъ это, полагаясь на твою скромность. Обѣщайся не говорить объ насъ прежде шести мѣсяцевъ — и мы оставимъ тебя въ живыхъ. — Хорошо, отвѣчалъ Тюренъ. — Тюренъ долженъ подумать, прибавилъ начальникъ шайки, что естьли онъ измѣнитъ своему слову; то гдѣ бы ни былъ, какїя бы ни употреблялъ предосторожности — ему отомстятъ за насъ смертїю. —

После сего Тюренъ свободно вышелъ изъ замка и возвратился къ своимъ лю-

дямъ, которымъ сказалъ, — что видѣлъ ужасныя чудеса въ этомъ замкѣ и что нельзя въ него войти, не подвергая опасности свою жизнь; — и онъ не солгалъ только въ этомъ послѣднемъ.

Спустя около года послѣ сего приключенїя, — подали Тюреню въ то время, когда онъ давалъ большой столъ, письмо привезенное какимъ-то чужестранцемъ. Въ немъ было написано: *Духи и привидѣнїя замка . . . имѣютъ честь увѣдомить Г. Тюреня, что они сдѣлались мирными обитателями земли. Они просятъ его благоволитъ принять богато убранную лошадь, которую посылаютъ какъ доказательство своей благодарности за сохраненїе тайны.*

Въ самомъ дѣлѣ посланный привязалъ на дворѣ лошадь въ прекрасной збруѣ и изчезъ. Тюрень, почти забывшїй о семъ приключенїи, вспомнилъ его и разказалъ своимъ гостямъ.

Съ Франц. *Г—їй.*

———

IV. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цвѣтокъ на гробъ друга.

С. А. Гринева.

Милые друзья! скажите мнѣ,
Для чего мы пробудилися?
Для того ли, чтобы чувствовать —
Какъ во снѣ мы были щастливы?
Для тоголь, чтобъ научиться намъ —
Какъ оплакать пробужденїе?.

—

Для того ли, солнце ясное!
Облистало ты вселенную, —
Что бы мы въ слезахъ унынїя
Не видали, какъ ты свѣтишь намъ
Надъ могилой друга нашего?
О судьбы непостижимыя!

—

Зналиль мы, что кроткїй взоръ его
Къ намъ на утрѣ обращавшїйся,
Съ тихою звѣздой вечернею
Смертной тѣнїю покроется?
За одну его улыбку къ намъ
Сколько вздоховъ испускаемъ мы!.

—

Зналъ ли онъ, что руки чуждыя
Понесутъ его въ страну отцовъ?
Зналъ ли онъ, что взоры чуждые
Оросятъ слезами хладный прахъ?.
Зналъ ли?. но, о тѣнь священная!
Всѣ мы, всѣ мы здѣсь не надолго!

—

Бѣдно наше достоянїе!
Знать друзей — любишь..и каждый мигъ
Трепетать прощанья вѣчнаго..
Прижимаясь къ сердцу ближняго
Помнить то, что можетъ завтра же
Розны мїры насъ вмѣщать будутъ!...

—

Зналиль мы тебя, сподвижникъ нашъ!
Знали! — слышишъ тоны жалобны
Лиры нашея печальныя:
„Сколь онъ кротокъ былъ—звучитъ она,
Сколь привѣтливъ, сколько ласковъ онъ,
Сколько вѣренъ связямъ дружества!„

—

И любили! — погляди на насъ,
Какъ теперь рукой дрожащею
Надъ тобой зажгли мы факелы!..
Съ блѣднымъ свѣтомъ ихъ—блѣднѣемъ мы;

И проводимъ! — миръ съ тобою братъ!
Хоть и рано оставляешъ насъ. . .

—

Устремляй же къ намъ взглядъ ангельскій
Съ береговъ отчизны нашея. . .
Ожидай насъ — мы не долго здѣсь
Поскитаемся, какъ странники. . .
Безъ приюта можноль жить тому,
Кто родился для безсмертія?..

—

Други! поклянемся прахомъ симъ:
Что могила, гдѣ почіетъ онъ,
Будетъ намъ урокомъ вѣрности;
Что тропа, къ нему ведущая,
Никогда травой высокою
Не успѣетъ зарости при насъ! . . .

Райдаровскій.

Памяти
С. А. Гринева.

Еще завялъ цвѣтокъ прелестный,
Въ началѣ юныхъ дней своихъ;
И смерть не дрогнула ужасна
Скосивъ его своей косой!

Давноль сей юноша на свѣтѣ
Вкушалъ утѣхи жизни сей, —
Во цвѣтѣ младости блистая,
Роднымъ надежду подавалъ?

Гдѣжъ скрылась живость дней весеннихъ?
Куда дѣвался свѣтлый взглядъ? —
Онъ мертвъ, и на ланитахъ впалыхъ
Явила смерть свою печать! —

Всѣ прелести сей жизни скорой:
Богатство, слава и чины,
Всѣ радости и всѣ забавы,
Все, все изчезло для него!

Ничто плѣнить его не можтъ,
Ничто улыбки не сорветъ
Съ увялыхъ устъ его навѣки:
Онъ все земное позабылъ. . .

Но нѣтъ въ своей онъ долѣ щастливъ,
Избравши тѣсный уголокъ;
Оставилъ всѣ заботы міра
И поспѣшилъ вкусить покой.

Не узритъ больше, — не услышитъ,
Какъ бѣдные его друзья,

Вступая въ путь сей жизни трудной,
Начнутъ завидовать ему.

Его душа простилась съ тѣломъ —
Симъ тяжкимъ бременемъ людей,
Быть можетъ зритъ уже блаженство
Безвѣстно жителямъ земли.

И такъ прервемъ, друзья, стенанья;
Не потревожимъ милый прахъ
Сего отшельника любезна!
Онъ лучшее, чѣмъ мы избралъ.

Н. Фраполлі.

Юноша.

(Подражаніе Клопштоку.)

На берегу ручья склоненный
Въ приятну думу *Май* сидѣлъ,
Румянымъ утромъ восхищенный
Съ улыбкой въ свѣтлый токъ глядѣлъ.
Внимая эху рощъ тѣнистыхъ,
И пѣнью сладкому въ лѣсахъ,
И шуму водъ межъ камней мшистыхъ,
Онъ нѣжился — заснулъ въ мечтахъ....

*

Возстала вдругъ ужасна буря,
Крутитъ, ломаетъ все и рветъ, —

Темнѣетъ свѣтлый сводъ лазуря,
Гулъ дикій въ воздухѣ реветъ;
Борей свои удвоя силы
Верхи срываетъ твердыхъ скалъ —
И разпустивши страшны крилы
Землей и моремъ всколебалъ. . .

*

А *Май* при ручейкѣ небрежно
Простершись сномъ спокойнымъ спитъ —
Мечтаетъ быть съ подругой нѣжной. . .
Пускай вокругъ него шумитъ
Гроза, и вихрей страшны свисты,
И завыванія вѣтровъ;
Онъ нѣжась запахомъ душистымъ, —
Лишь съ Вечеромъ проснулся вновь.

*

Щастливъ, ты юноша безпечный,
Еще не зная жизни бѣдъ:
Ты зришь утѣхи безконечны,
Конца твоимъ забавамъ нѣтъ!
Но лучше въ мудрость углубляйся,
И лучше шествуй ей во слѣдъ!
Одною ею наслаждайся! .
Не вѣченъ — увядаетъ цвѣтъ. . .

Г. Шкларевичъ.

Орфей и Еврдика.

(Изъ Виргилїевыхъ Георгикъ.)

(Пастухъ Аристей, сынъ Нимфы Цирены, лишившись своихъ пчелъ оставилъ Темпейскую долину и пошелъ къ матери узнать причину своего нещастїя. Мать доставила ему средства проникнуть въ жилище морскаго Бога Протея, который открываетъ ему: что оскорбленный Орфей, коего вѣрную Евридику онъ преслѣдовалъ, навлекъ на него оныя бѣдствїя; потомъ разказываетъ трогательную участь сихъ супруговъ).

Стремяся трепетна, гонимая тобой,
Супруга юная нещастнаго Орфея
Въ травѣ сокрытаго не зрѣла страшна змѣя:
Безцѣнну жизнь ея похитилъ лютый ядъ!
Тогда горъ на хребтахъ раздался вопль Дрїядъ,
И застенали вкругъ пространныя пустыни,
Пангея высоты, Родопскїя твердыни,
И чада Марсовы, жестокосердый Гетъ;

Померкла красота полей, увялъ ихъ цвѣтъ;
Уныло Гебръ журча о ней повѣдалъ морю.
Орфей съ растерзанной душой, предавшись горю,
Злощастную любовь лишь лирой облегчалъ,
Тебя, дражайшая супруга, воспѣвалъ
На дикомъ берегѣ; тебя, одинъ съ тоскою,
Тебя пѣлъ съ утренней, съ вечернею зарёю.
Тенара въ мрачный зевъ, въ Плутоновъ грозный домъ,
И въ мрачномъ ужасѣ дебрь спящу вѣчнымъ сномъ
Проникъ любовію палящею томимый
Свирѣпаго Царя злой духъ, неукротимый
И чужды жалости котѣлъ смягчить сердца.
На томной лиры звукъ и сладкій гласъ пѣвца
Подвигшись тѣни шли изъ нѣдръ Ерева темныхъ,
Призраки мрачные отъ свѣта удаленныхъ.
Какъ стаи птицъ, когда вечернеюль порой,
Иль устращенныя стремительной грозой
Спѣшатъ съ полей подъ кровъ густыхъ деревъ укрыться:

Такъ тѣней сонмъ спѣшилъ гармоньей на-
сладиться.
И въ тишинѣ неслись волнистою грядой
Супруги, витязи прославленны войной,
Невѣсты, отроки во цвѣтѣ лѣтъ сра-
женны,
Сыны предъ рождшими ихъ на костеръ
взнесенны.
Вкругъ нихъ поросъ тростникъ, и боло-
тистый илъ
Коцита мрачный домъ отвсюду окружилъ.
Стиксъ девять разъ вокругъ катитъ гни-
лыя воды, —
И узниковъ на вѣкъ лишаетъ онъ свободы.
Замолкло Цербера трезѣвное жерло,
Смутился тартаръ весь и преисподней
дно,
Шипящій Эвменидъ въ власахъ свистъ
прекратился,
Шаръ Иксіоновъ сталъ, — страдалецъ
изумился.
И одолѣлъ Орфей всѣ ужасы препонъ! —
Супруга шла во слѣдъ: но лютый, ахъ,
законъ:
„Не зрѣть ему утѣхъ и слезъ своихъ при-
чину,

Пока не перейдетъ чрезъ адскую пучину!“
Желанный горній свѣтъ уже предъ нимъ мерцалъ; —
Какъ вдругъ огонь любви всю кровь въ немъ взволновалъ:
Вина простительна, когдабъ прощать умѣли
Подземные; забылъ . . . въ немъ чувства цѣпенѣли,
Любовію влекомъ, на милую воззрѣлъ! . .
Погибло все навѣкъ! онъ заповѣдь презрѣлъ! —
Три раза трескъ потрясъ Плутонову обитель;
„Орфей, гласитъ она, кто общій нашъ губитель?
Увы, жестокая судьба влечетъ опять;
Тьма, вѣчный сонъ глаза мои сомкнуть спѣшатъ;
Прости! въ глубоку мглу стремлюся, утопаю,
Ахъ, не твоя къ тебѣ объятья простираю!“
Вѣщала — и какъ паръ сокрылася изъ глазъ;
Онъ тщетно ловитъ тѣнь и хочетъ слышать гласъ;
И безотвѣтенъ вопль! туманна хлябь стенаетъ,

Харонъ молящему путь грозно преграждаетъ.
Что дѣлать бѣдному? два раза рокъ сразилъ.
Какой мольбой смягчить суровость адскихъ силъ?
Блѣдна, уже неслась она въ ладьѣ Стигійской! —
Пѣвецъ седмъ мѣсяцевъ стеналъ въ странѣ Ѳракійской,
У водъ Стримоновыхъ подъ дикою скалой,
Въ пещерахъ и лѣсахъ его вторился вой; —
И тигры тронуты съ нимъ скорбь его дѣлили,
И дубы горъ съ вершинъ на лирной гласъ сходили.
Такъ филомела древъ въ тѣни одна поетъ,
Безчеловѣчіе жестокаго клянетъ
Лишившаго ея птенцовъ неоперенныхъ;
Тоскуетъ жалобно средь мраковъ повсемѣстныхъ,
Сидя на вѣточкѣ она стенетъ, вокругъ
Ліетъ печальну пѣснь и ею полнитъ слухъ.
Сталъ мертвъ ко прелестямъ любви и Тименея,
Уединенъ, унылъ, средь инеевъ Рифея

У Дона снѣжнаго, Иперборейскихъ льдовъ
Оплакивалъ свой рокъ и тщетный даръ
Боговъ.
Холодностью его Вакханки раздражи-
лись,
Въ часъ нощи, — Оргїй въ часъ бѣгутъ,
остервенились
И члены юноши бросаютъ на поляхъ!
И Гебръ когда носилъ главу его въ
волнахъ
Отъ выи снѣжныя жестоко отдѣленну,—
Гортань и хладныя уста звали безцѣнну,
Ахъ, Евридику самъ гласъ Евридику звалъ.
Брегъ Евридику, лѣсъ со стономъ повто-
рялъ.

П. Куницкїй.

Разкаянїе.

О Дружба, Искренность священны!
Простите *вздохъ сердечный* (*) мой,
Упреки вамъ произнесенны
Моей прискорбною душой

(*) См. Украин. Вѣстникъ часть 2 я стран. 211 я.

Простите, я винна предъ вами!
Душой и сердцемъ, и словами
Сіе готова доказать:
Васъ нѣтъ — я въ мысляхъ представляла;
Но въ томъ ошибку я познала, —
Узнала, гдѣ васъ отыскать.
Вы — лучшее созданье Бога!
Въ сердца онъ тѣ васъ поселилъ,
Гдѣ своего престолъ чертога
Прямой любовью утвердилъ.
Въ отраду всѣхъ людскихъ страданій,
Въ замѣну тщетныхъ ожиданій
Вы, образъ тамъ являя свой,
Со щастьемъ каждаго мирите, —
За скорьби каждаго дарите
Своей улыбкой, иль слезой.
И мнѣ, — хоть я васъ упрекала, —
Себя не запретили знать;
Я васъ изъ міра изгоняла, —
Но вы въ противномъ увѣрять
Меня лишъ нѣжностью хотѣли —
И думаю, что въ томъ успѣли!
Я вижу, — правдой озарясь, —
Явилась Дружба неизмѣнна
И Искренность нелицемѣрна,
Въ прелестномъ видѣ поселясь.

О Дружба, Искренность священны!
Внемлите сердца вы обѣтъ:
Что души вами просвѣщенны
Моей составятъ жизни свѣтъ;
Что буду васъ искать стараться,
Вамъ въ слѣдъ итти, во всемъ ввѣряться,—
Для васъ спокойства нещадить;
Того, кто васъ въ себѣ имѣетъ —
Кто вами обладать умѣетъ,
Того душевно вѣкъ любить!

Любовь Кричевская.

Рондо.

Ѳ. А. П—ну.

Въ слѣдъ истинны идетъ, кто добродѣтель любитъ, —
Ни зломъ, ни клеветой кто и враговъ не губитъ;
Кто пользу ближняго какъ и свою блюдетъ, —
Всякъ скажетъ, что такой въ слѣдъ истинны идетъ.

Въ слѣдъ истинны идетъ, кто Вышняго боится,
Въ комъ зависть къ ближнему на сердцѣ не гнѣздится, —

Кто добродѣтельно всю жизнь свою ведетъ, —
Тотъ безъ сомнѣнія въ слѣдъ истинны идетъ.
Въ слѣдъ истинны идетъ, кто должность вѣрно правитъ, —
Душею ни въ какихъ дѣлахъ кто не лукавитъ;
Заслугамъ должное во время отдаетъ;
Караетъ кто порокъ, — въ слѣдъ истинны идетъ.
Въ слѣдъ истинны идетъ, кто добрыхъ защищаетъ, —
Чего не дать кому, того не обѣщаетъ;
Безъ прозьбъ вдовица въ комъ въ бѣдахъ покровъ найдетъ, —
Безпрекословно тотъ въ слѣдъ истинны идетъ.
Въ слѣдъ истинны идетъ, кто вѣритъ несомнѣнно,
Что П—нъ намъ покровъ и счастье непремѣнно;
Что истиннѣ онъ другъ, что къ славѣ насъ ведетъ, —
И намъ предшествуя въ слѣдъ истинны идетъ.

Степанъ Юшковъ.

V. ХАРЬКОВСКІЯ ЗАПИСКИ.

Общество Благотворенія.

Отчетъ

Совѣта Харьковскаго Общества Благотворенія за V годъ.

Пятый разъ уже Совѣтъ Харьковскаго Общества Благотворенія, исполняя обязанность свою по Правиламъ освященнымъ Высочайшимъ утвержденіемъ, имѣетъ щастіе представить почтеннѣйшему Собранію отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Начать оный не находитъ ничѣмъ приличнѣе, какъ извѣщеніемъ: что Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ удостоилъ, Своимъ Высокимъ посѣщеніемъ Институтъ дѣвицъ отъ Общества устроенный; что ощастливилъ его Своимъ обозрѣніемъ во всѣхъ подробностяхъ и что — къ усугубленію вашей чести, почтеннѣйшее Дворянство Слободско - Украинской Губерніи, изволилъ из-

рѣчь: „Я подобнаго заведенія, въ разсужденіи цѣли и намѣренія, въ предѣлахъ пространной Россіи не находилъ еще„. — И кто изъ насъ, почтеннѣйшіе сочлены! не сочтетъ точно увеличенною честь свою симъ лестнымъ одобреніемъ, симъ высокимъ отзывомъ Брата Августѣйшаго Государя нашего? Кто не приведетъ себѣ на мысль,—что симъ заведеніемъ каждый, удѣляя небольшую частицу отъ своего имущества, стремится подражать въ величайшей изъ добродѣтелей — не подражаемому въ благотвореніи Монарху нашему? Велѣніе ли Его, впрочемъ всегда свято чтимое—съ благоговѣніемъ исполняемое, — велѣніе ли Его положило начало сему Обществу? — Нѣтъ. Одно Его узнанное ожиданіе, одно Его соизволеніе воодушевило насъ, воспламенило ревніе приступить къ исполненію желаній небесной души Его! — Итакъ, естьли кто изъ благороднаго сословія нашего Дворянства представитъ все сіе живо въ умѣ своемъ; то не возможно кажется, чтобы не возжелалъ быть участникомъ великой чести—раздѣлять святыя жела-

нія своего Государя, вспомоществуя страждущему человѣчеству. Тѣмъ болѣе кажется не возможно, что бы стяжавъ имя благотворителя — имя всѣхъ славнѣйшее — уклонился потомъ и признался предъ всѣми: что благотвореніе ему чуждо, что онъ послѣдовалъ только минутному побужденію, тщеславію, ожиданію пустыхъ выгодъ! Не возможно, что бы таковый сложилъ съ себя предъ всѣми нами званіе благотворителя—украшающее даже и самое благороднѣйшее Дворянское званіе; чтобы отдѣлился отъ Общества, коего глава есть Монархъ нашъ—не по званію Своему принявшій на себя учрежденіе онаго, но по чувствамъ великой души Своей! Не возможно кажется, чтобы таковый слыша лестное одобреніе Августѣйшаго Брата Его, одинъ сказалъ только вопреки: — „я не участвую въ семъ заведеніи!„ Но естьли бы — сколь ни прискорбно сказать даже условіе сіе — естьли бы нашелся среди насъ таковый; то честь человѣчества заставила бы умолчать о немъ, или по крайней мѣрѣ утаивъ имя сказать только: обстоятель-

ства жизни, не всегда въ волѣ нашей состоящїя, принудили одного изъ Членовъ оставить Общество. . . . Но да не скажетъ мыслящїй человѣкъ, что безусловно на свѣтѣ ничто не должно быть — а тѣмъ болѣе Общество, коего началомъ была добрая воля. Конечно, есть условїя, — по коимъ Членъ можетъ отдѣлится отъ сего Общества и безпогрѣшительно т. е. когда заведенїе сего Общества не соотвѣтствуетъ его намѣренїю, не достигаетъ предположенной цѣли, когда въ храмѣ благотворенїя — не будетъ благотворенїя; тогда конечно, не только одинъ Членъ или нѣсколько могутъ отдѣлиться, но и все общество должно рушиться. А когда заведенїе сїе, устроенное для образованїя юныхъ дѣвицъ, находится въ наилучшемъ порядкѣ; когда одобрено всѣми посѣтителями вообще и наконецъ ощастливлено вниманїемъ Его Высочества; когда мы имѣли утѣшенїе слышать изъ устъ Его, что Онъ будетъ ходатайствовать у Августѣйшей Матери всѣхъ сиротъ, — дабы Она благоизволила принять сїе заведенїе въ высокое Свое пок-

ровительство, даровала бытїе на всегда сему училищу; то ежели послѣ сего кто нибудь отречется отъ обѣщанїя своего платить ежегодно по 25 руб.—имя таковаго по всей справедливости должно быть изглажено изъ числа Членовъ нашего Общества.

Впрочемъ, и за уклоненїемъ нѣкоторыхъ отъ благотворенїя, число Членовъ нашего Общества все еще при другихъ пособїяхъ будетъ велико и достаточно для цѣли вспомоществованїя бѣднымъ: кромѣ Именитыхъ Членовъ, въ нашей Губернїи платящихъ исправно обѣщанную сумму щитается до 49-ти. Въ Черниговской Губернїи неутомимымъ старанїемъ тамошняго корреспондента Г. Губернскаго Прокурора Г. И. Бажанова платящихъ Членовъ щитается 30-ть, въ Екатеринославской 7. въ другихъ разныхъ Губернїяхъ 5.

Его Сїятельство Графъ Сергѣй Михайловичь Каменскїй, извѣстный въ Отечествѣ нашемъ своими великими вспоможенїями нещастнымъ, здѣлалъ честь нашему сословїю пожелавъ быть членомъ

онаго взноса ежегодно по 300 руб. За таковое пожертвованіе признанъ онъ отъ Совѣта *Именитымъ Членомъ*; одинъ изъ воспитанниковъ нашихъ, Дворянинъ Филипьевъ, за прилѣжность и успѣхи въ наукахъ удостоился получить званіе *воспитанника Графа Каменскаго*, — коему благодѣтель его доставилъ еще 200 руб. на книги, инструменты и другія необходимыя для него вещи. Портретомъ Его Сіятельства украшается зала нашихъ собраній. Здѣсь сіяетъ также и драгоцѣнный для всѣхъ Россіянъ образъ неподражаемаго въ способѣ благотворить, прославляемаго всѣми бѣдными, человѣка - Гражданина, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника П. Г. Демидова, — ревностнѣйшаго нашего Члена, — который и въ сей годъ, кромѣ назначенной суммы 1000 руб. доставилъ еще въ Совѣтъ столько же, здѣлавъ имъ назначеніе свойственное человѣколюбивому его сердцу; портретъ его къ неизъяснимой радости воспитывающихся здѣсь сиротъ, полученъ также въ нынѣшнемъ годѣ. Юные отрасли великодушныхъ и славныхъ Россіянъ, взирая въ храмѣ

благотворенія на изображенія своихъ благотворителей, чувствуютъ кромѣ благодарности и любви — кромѣ новыхъ силъ въ себѣ и рвенія успѣть въ наукахъ, — они чувствуютъ еще и возникающее стремленіе подражать симъ великимъ мужамъ естьли не въ ихъ великихъ дѣяніяхъ, — то покрайней мѣрѣ въ томъ, чтобъ нѣкогда быть полезными для своего Отечества по своимъ силамъ.

Въ семъ году поступило вновь:

Дѣйствительныхъ Членовъ, или заплатившихъ вмѣсто ежегоднаго взноса весь капиталъ единожды:

	руб.
1. Волосскій бывшій Вистіарій, Графъ Стефанъ Ваккарески - - -	250
2. Инженеръ Подполковникъ и кавалеръ, Федоръ Тимоѳеевичь Матуринскій - - - -	250
3. Изюмскаго уѣзда Корреспондентъ Маіоръ Иванъ Ильичь Гиржевъ -	250
4. Тогожъ уѣзда помѣщикъ Поручикъ Александръ Осиповичь Кишинскій - - -	250

руб.

5. Екатеринославской Губернiи помѣщикъ, Капитанъ Павелъ Андрѣевичь Янченковъ - - - 250

Платящихъ ежегодно членовъ,

По здѣшней Губернiи:

1. Харьковскаго Коллегiума Префектъ, Павелъ Николаевичь Рейпольскiй - 25
2. Сумскаго уѣзда помѣщикъ Маiоръ Иванъ Евграфовичь Смагинъ - - 25

По Черниговской Губернiи:

3 Маiоръ Федоръ Даниловичь Ширай 100
4. Александра Васильевна Глѣбова - 25
5. Прасковья Григорьевна Галаганова 25
6. Иванъ Петровичь Забѣла - - 25
7. Михайло Петровичь Геевскiй - 25
8. Стефанъ — — — Лашкевичь - 25
9. Курской Губернiи помѣщикъ Михайло Андрѣевичь Борщовъ - - 25
10. Екатеринославской Губернiи помѣщица Подполковница Марья Александровна Депрерадовичева - - 25

О суммѣ ежегодной.

Въ теченiи сего года поступило въ ежегодную сумму:

От Членовъ за 1816 годъ - - 2550

	руб.
— — за 1815 годъ - - -	1250
Получено недоимки:	
за 1813 годъ - - -	50
за 1814 — - - -	325
И того отъ членовъ —	4175
Отъ своекоштныхъ пансіонерокъ воспитывающихся въ Институтѣ -	4145
Процентныхъ за отдачу въ заемъ капитала, подъ залогъ вещей - -	180
Всего въ приходѣ —	8500

Сумма сія по Правиламъ Общества употребляется на вспоможеніе бѣднымъ. Преимущественно же благотвореніе обращается на семейства Дворянъ, неимѣющихъ способовъ доставить образованіе дѣтямъ своимъ по причинѣ недостаточнаго состоянія.

Съ начала утвержденія Общества таковыхъ воспитанниковъ было болѣе 20 ти. Нынѣ же за недостаткомъ суммы, Совѣтъ имѣетъ ихъ только 8-мь. Прочіе всѣ опредѣлены уже на службу Государственную, — и въ семъ году отправленъ одинъ изъ таковыхъ, носившій званіе *воспитанника Демидова.* При отправленіи

выданы ему слѣдовавшїе на часть его 215 руб. изъ суммы взносимой благодѣтельнымъ Демидовымъ въ пользу своихъ воспитанниковъ. Жизнодательнымъ попеченїемъ человѣколюбиваго Монарха нашего, Дворяне имѣютъ много способовъ дать въ различныхъ училищахъ образованїе сыновьямъ своимъ; но дочери ихъ, особливо изъ бѣдныхъ семействъ, не имѣютъ никакихъ способовъ получить воспитанїе приличное ихъ званїю. Правительство издерживаетъ несмѣтныя суммы на заведенїя основанныя въ обѣихъ столицахъ для великаго множества дѣвицъ; но и таковыя издержки еще не достаточны для обширнаго нашего Государства. Итакъ — кому же какъ не первому, просвѣщеннѣйшему классу людей въ Государствѣ, кому же какъ не Дворянству должно подражать и сообразоваться благодѣтельнымъ намѣренїямъ Монарха своего, — жертвовать имуществомъ на заведенїя подобныя Государственнымъ заведенїямъ? — Дворянство наше въ планѣ сего Общества не упустило обратить вниманїя на толико существенное

благотворенїе и основало училище по цѣли и намѣренїю своему единственное въ Губернїяхъ Россiи. Посредствомъ сего заведенїя благотворенїя разливаются во многочисленные потоки. Дѣвица по званїю своему имѣющая право на лучшее образованїе, но лишенная онаго по причинѣ нещастныхъ обстоятельствъ постигшихъ ея родителей и чрезъ то долженствующая получить въ удѣлъ вѣчное незнанїе обязанностей своихъ, недопущенїе къ обществу подобныхъ себѣ, нищету, праздность совсѣми пагубными ея послѣдствїями, — таковая дѣвица находитъ себѣ здѣсь надежный, благопрiятный кровъ. Она призрѣна, обучена всѣмъ нужнымъ для нея наукамъ, наставлена въ правилахъ добродѣтели, получила справедливое понятїе о вредѣ праздности, — и имѣетъ уже надежное средство не только избѣгать ее, но въ случаѣ нужды трудами своими снискивать себѣ пропитанїе и не быть никому въ тягость. Окончивъ предположенное воспитанїе, выходитъ она въ домъ богатаго помѣщика обучать дочерей его; все что здѣсь полу-

чіла для ума и сердца — раздѣляетъ съ другими, распространяетъ истинно Руское воспитаніе, основанное какъ было въ старину у предковъ нашихъ — на святомъ законѣ, на благочестіи и чистѣйшей добродѣтели; и послѣ сего точно можно сказать, что она въ свою очередь и въ посредственномъ состояніи, дѣлается благотворительницею. Выходитъ изъ Института одна дѣвица; на мѣсто ея снова опредѣляется другая для той же цѣли — и такимъ образомъ цѣпь благотворенія не прерывается, источникъ его разливается въ тысячи протоковъ разносящихъ по всюду пользу!

(Продолженіе впредь.)

РѢЧЬ,

Говоренная при погребеніи (*) Кандидата ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Университета Степана Алексѣевича Гринева.

Исполняя послѣдній — печальный долгъ братству и приязни, имѣю случай бесѣдовать съ вами, Пп. Сс.!

Но — когда сердце исполнено радости, тогда тысячи вдругъ являются предмѣтовъ къ бесѣдѣ и языкъ выражается велерѣчиво: когда же горесть тяготитъ сердце; то нѣтъ ничего труднѣе, какъ найти предмѣтъ слова. Смущенныя мысли приходятъ и изчезаютъ мгно-

(*) Сія печальная церемонія совершена 16 Октября. Нѣсколько членовъ Университета и всѣ студенты сопровождали гробъ до кладбища; тамъ опустили въ землю сотрудника своего. Ему отъ роду было только еще 22 года; онъ имѣлъ достатокъ, былъ единственный сынъ у престарѣлой матери, — и смертію своею пресѣкъ всѣ для нея радости въ жизни. Тѣмъ болѣе сразило ее нещастіе, что она ѣхала съ нимъ увидѣться, — и не застала даже печальной церемоніи погребенія сына своего.

венно, — умъ затрудняется въ выборѣ ихъ и остается въ бездѣйствіи, — языкъ ищетъ словъ къ выраженію смущенныхъ мыслей и не находитъ. Таково теперь мое положеніе!

Вотъ бренный остатокъ нашего товарища за нѣсколько дней дѣлившаго съ нами жизнь, — и во цвѣтѣ лѣтъ, среди надеждъ ко щастію оставившаго свѣтъ сей! Кто не пожалѣетъ молодости, посреди довольства едва развернувшейся и увядшей? Но къ чему послужитъ наше сожалѣніе? Воскреситъ ли оно умершаго? Вотъ человѣкъ, котораго жизнь составляла радость и щастіе для родныхъ и друзей и который смертію своею разрушилъ всѣ ихъ надежды! Изчисленіе достоинствъ его теперь было бы не лестно; но изчисленіе достоинствъ не увеличитъ ли цѣну потери, для родныхъ и безъ того уже несносной? — Да и похвалы нужны тѣмъ только, кто пользуется жизнію; а за симъ предѣломъ — за гробомъ они во все безполезны. Вотъ разительный примѣръ нашей бренности, ясное доказательство нашего предназначенія — *отъ*

земли быть взятымъ и обратиться опять въ землю! Кто храднокровно представитъ сїе въ умѣ своемъ? И какое ощущенїе должно произвести въ сердцѣ сїе представленїе, приятное или неприятное? Это кажется заслуживаетъ больше всего наше вниманїе. Не надѣюсь сказать что нибудь для васъ новое о семъ предметѣ или въ необыкновенныхъ выраженїяхъ; и самое повторенїе мыслей не посмѣю обратить къ Вамъ Пп, Сс., кои можетъ быть больше ихъ чувствуете, нежели я: но исполню только, какъ сказалъ, симъ последнїй долгъ къ нашему любезному собрату.

Рѣдкїй день проходитъ безъ того, что бы мы не слышали гласа смерти,— что бы не были зрителями жертвъ ею пораженныхъ; и между тѣмъ — странно! никакъ не можемъ примириться съ мыслїю о смерти! — Часто намъ случается провожать кого-нибудь отходящаго отселѣ въ вѣчность; и что же? смутно только представляются намъ вопросы: куда онъ отходитъ? что значитъ смерть его? что будетъ съ нимъ послѣ сего?

Опускаемъ въ землю предмѣтъ родившій въ насъ сіи вопросы, — и мало по малу забываемъ его — себя, начинаемъ жить — какъ прежде жили. Приходитъ намъ чреда, — и тоже дѣлаютъ послѣ насъ остающіеся! Но разсмотримъ внимательнѣе и справедливѣе: такая безчувственность можетъ ли быть отличительною чертою человѣка предъ прочими тварями, — человѣка существа, для котораго по бытописаніямъ вся вселенная нами видимая воззвана изъ ничтожества, который удостоенъ носить на себѣ образъ и подобіе Всесоздавшаго? — Не тоже ли дѣлаютъ всѣ безсловесныя животныя? — Итакъ чувство проницающее за предѣлъ жизни, чувство безсмертія составляетъ всё наше отличительное достоинство.

Мы любимъ жизнь; — и кто противурѣчитъ тому, что она имѣетъ для насъ много приятностей, много блаженства привлекающаго — очаровывающаго нашу чувственность? Мы любимъ жизнь, — но сія любовь не даетъ кажется, или не должна подавать ни малѣйшаго повода думать, будто въ сей жизни только иза-

ключается всё наше блаженство: ибо во-первыхъ и она сама не состоитъ въ нашей волѣ; и потомъ всякой видѣлъ и испыталъ, — что бѣдность часто бываетъ удѣломъ цѣлой жизни, что избѣжавъ бѣдности постраждешъ отъ притѣсненія сильнаго, что и сильныхъ сильнѣе болѣзнь что кто самъ наслаждается всегда здоровьемъ — тотъ не можетъ удалить болѣзни отъ всѣхъ имъ любимыхъ, что хотя бы болѣзнь была и для всѣхъ избѣжима — то неизбѣжна смерть. Итакъ самая любовь сія къ жизни должна руководить мысль къ безсмертію: кто наслаждается блаженствомъ, тотъ чувствуетъ непреоборимое желаніе — продолжить навсегда сіе блаженство. И точно — смерть не есть прекращеніе, уничтоженіе, — а только переходъ изъ одной половины жизни въ другую, какъ увѣряютъ насъ мудрые! —

Когда же безсмертіе составляетъ всё наше достоинство, и чувство о немъ не должно быть чуждо сердцу нашему; то тѣмъ менѣе примѣры нашей бренности должны производить въ насъ неприятныя

ощущенія. Мнѣ кажется: кто провожаетъ переселяющагося изъ свѣта въ другой, тотъ живо представляетъ въ умѣ своемъ — что и онъ нѣкогда непремѣнно долженъ будетъ опуститься въ землю; по чему ниодно неприятное впечатлѣніе не тревожитъ его,— онъ узналъ, какъ только сталъ знать себя, что умереть необходимо и безпрестанно знакомился съ сею мыслїю. Мнѣ кажется что и того, кто видѣлъ только блага на землѣ а не наслаждался ими, — какое-то внутреннее чувство увѣряло: ты чрезъ смерть получишь блаженство, въ коемъ тебѣ здѣсь отказано было. Мнѣ кажется притѣсняемый и гонимый, кому не только не воздавали должнаго, но и всего лишали, — кому нещастія были неотъемлемыми спутниками, — мнѣ кажется и отъ такого человѣка надежда, показуя за предѣломъ жизни блаженный свѣтъ, удаляла всегда отчаяніе и онъ шелъ, онъ спѣшилъ къ смерти—какъ къ цѣли пути своего. Мнѣ кажется и для щастливца на землѣ,—коего жизнь стекались услаждать всѣ удовольствія, чести окружали, удачи

во всемъ всегда составляли его дѣятельность, — мнѣ кажется и для такого человѣка блаженство увеличивалось мыслїю: съ жизнїю твоею оно не кончится; часть одна существа твоего преселится со всѣмъ своимъ щастїемъ въ другую некончаемую жизнь; — и онъ смотрѣлъ весело на гробы, какъ на знаки своего безсмертїя. Таково должно быть ощущенїе при воззрѣнїи на примѣры нашей бренности! —

Но всякой кажется чувствуетъ, что картина ощущенїй мною представленныхъ есть чистый идеалъ — и спроситъ необходимо: такъ, это должно быть — конечно; но бываетъ ли это всегда? — Я долженъ признаться, что или никогда или очень рѣдко; что обыкновенное возклицанїе при воззренїи на смерть намъ подобныхъ есть: о смерть! какъ горько мнѣ возпоминать тебя!! — Отъ чегожъ такое въ насъ разногласїе между тѣмъ, что быть должно — и тѣмъ, что случается? — Отъ различїя нравственныхъ нашихъ поступковъ! Кто измѣняетъ цѣль нашего существованїя — цѣль назначенную намъ Творцемъ *блаженствоватъ*

вездѣ и всегда? Порочная жизнь! — Не мое дѣло опровергать мнѣнїя лжеумствователей, уничтожающихъ различїе добра и зла, различїе наградъ и наказанїй; объ этомъ столько писано, столько говорено, — что въ справедливости того не согласится одно только упорство человѣческое. Такъ, одно упорство! Бывалъ ли человѣкъ на свѣтѣ, который бы всегда страдалъ и хоть на одну минуту не имѣлъ радостей? Бывалъ ли другой, который бы всегда блаженствовалъ и также не чувствовалъ ни малѣйшаго огорченїя? — Слѣдовательно различїе добра и зла всякой дозналъ опытомъ. Когдажъ есть между ними различїе; то есть различїе между наградами и наказанїями. И вотъ откуда произтекаетъ неприятное чувство при воззрѣнїи на умирающихъ сочеловѣкъ нашихъ: порочный человѣкъ всегда имѣетъ какїя нибудь добродѣтели; вѣчная Правда никогда никакой добродѣтели не оставляетъ безъ наградъ, — слѣдовательно и порочный человѣкъ награжденъ щастїемъ въ этой жизни. Но царство правды начинается за предѣлами

сей жизни; человѣкъ порочный чувствуетъ это — и смотря на смерть видитъ свое опредѣленіе, — видитъ и трепещетъ! Жизнь своими разнообразными удовольствїями — перемѣнами можетъ заглушить въ немъ страхъ наказанія за порочность; но смерть пробуждаетъ совѣсть его, удаляетъ отъ сердца всѣ удовольствїя — и сердце трепещетъ! — Сія истинна — что приятное или неприятное ощущеніе при воззрѣніи на смерть произходитъ въ насъ отъ добродѣтельной или порочной жизни нашей — сїя истинна еще яснѣе бываетъ въ человѣкѣ добродѣтельномъ. Конечно всякой изъ насъ знаетъ, кто такой есть добродѣтельный,— конечно доставалось видать намъ его, какъ бы порочность наша ни старалась очернить такое существо для облегченія себя. Каковыжъ чувства добродѣтельнаго при воззрѣніи на смерть? о! самыя утѣшительныя! — Человѣкъ и добродѣтельный не можетъ быть во все изъятъ пороковъ; и таже вѣчная Правда, награждающая порочнаго за небольшїя добродѣтели щастїемъ въ сей жизни, наказуетъ добродѣтельнаго за малыя здѣсь его

пороки: слѣдовательно на смерть, за которою начинается вѣчная жизнь для него, смотритъ онъ какъ на врата отверзающія входъ ему въ райское блаженство. Смерть прекращаетъ только жизнь тѣла и утѣхи чувственныя; но душа — безсмертное существо — уноситъ съ собою отселѣ всѣ свои наслажденія. И поелику чувства пріятныя или непріятныя суть дѣйствія души также; то душѣ добродѣтельной и при возрѣніи на смерть другихъ свойственно выражаться не въ отчаяніи, а въ сладкомъ только уныніи.

Часто обвиняютъ суровость добродѣтели, — которая будто бы отрицаетъ всѣ наслажденія сей жизни, съ которою будто бы не совмѣстно щастіе наше здѣсь. О нѣтъ! она не только совмѣстна со щастіемъ; но еще и украшаетъ его собою: просто ли богатый, знатный, славный человѣкъ, — или богатый, знатный, славный и вмѣстѣ добродѣтельный предпочтительнѣе въ глазахъ даже обыкновенныхъ людей? — Слѣдовательно можно наслаждаться жизнію — и безъ ужаса смотрѣть на смерть!

Но я долженъ кончить свое слабое разсужденіе; и оканчиваю въ увѣренности, что не ужасъ и уныніе, а приязнь возбуждаетъ въ насъ сей оставившій насъ товарищъ - другъ нашъ. Похвалы наши — для него безполезны, — сѣтованія наши — для насъ; остаются только одни мольбы, чтобы новая жизнь нашего собрата была для него цѣпію непрерываемаго блаженства.—По крайней мѣрѣ,— будутъ ли дѣйствительны для тебя, любезный товарищъ - другъ! наши желанія или нѣтъ, — по крайней мѣрѣ то вѣрно, что ты переселяешся въ страну, куда бури бѣдъ и страстей не достигаютъ, гдѣ царствуютъ покой и тишина; по крайней мѣрѣ справедливо то, что для тебя теперь завѣса неизвѣстности будущаго упала и ты можетъ быть сожалѣешъ о нашей суетности, что мы не безъ слезъ опускаемъ тебя въ землю.

Е. Филомавитскій.

Къ Издателямъ. (*)

Надосугѣ разскажу Вамъ о празднествѣ, которое видѣлъ я недавно. Это было въ мѣстечкѣ Водолагахъ. — 10я Артиллерійская бригада Полковника М—ка дѣлала практическое ученье въ присутствіи своихъ Генераловъ. Много было зрителей, въ томъ числѣ дамъ. По окончаніи же военныхъ заботъ Полковникъ М—ко съ камарадами угощалъ всѣхъ посѣтителей.— Небольшой, впрочемъ уютный домикъ, гдѣ надлежало быть пиру сему, немогъ помѣстить всѣхъ съѣхавшихся на сей случай. Но для Рускаго воинства нѣтъ затрудненій! Рече — и явился пространный залъ; повелѣ — и онъ украсился фестонами зелени, гирландами и вѣнками цвѣтовъ. Зала сія, составленная изъ наметовъ, примыкала къ балкону дома и слѣдственно соединена была съ комната-

(*) Издатели просятъ извиненія у нѣжныхъ Читательницъ, что рядомъ встрѣтятъ онѣ въ ихъ Журналѣ погребеніе и — балъ. Конечно это странность; но много ли страницъ и въ жизни нашей, на которыхъ бы печаль не видна была подлѣ радости?

ми. Обѣденный столъ, приготовленный въ этой залѣ на 60 приборовъ, продолжался до 6 часа. Кромѣ отличнаго угощенія, обязательна была привѣтливость Полковника и господъ Офицеровъ его Бригады, которые сами здѣсь прислуживали. Учтивство и предупредительность — вѣрный знакъ благовоспитанія, образованности — какъ извѣстно, всегда отличали Офицеровъ артиллерійскаго корпуса.

Ввечеру всѣ отправились на мѣсто, гдѣ приготовленъ былъ фейерверкъ. Къ совершенному удовольствію зрителей онъ сожженъ весьма удачно. Перемѣны не были слишкомъ многочисленны, за то отличались выборомъ и искуствомъ. При окончаніи потѣшныхъ огней вдругъ загремѣла артиллерія — и въ тоже мгновеніе загорѣлся вензловый щитъ Государя ИМПЕРАТОРА.

Въ 9 часовъ вечера открытъ балъ. Тутъ-то, при свѣчахъ, украшенія залы имѣли отмѣнный видъ! Дубовые фестоны и гирланды цвѣтовъ, освѣщаемые яркимъ блескомъ огней, прельщали глаза гармоническою смѣсью своихъ оттѣнковъ. — Танцовали за полночь. . . танцовали бы

гораздо болѣе; но внезапное приключенїе разстроило всю дизпозицїю будущихъ кадрилей, мазурокъ и экосесовъ. — На столбахъ, обвитыхъ зеленью, листья въ продолженїи дня нѣсколько обсохли; догорѣвшая свѣча на одномъ изъ столбовъ сихъ, по неосмотрительности служителей, склонилась къ вѣтьвямъ. Между тѣмъ какъ глаза всѣхъ обращены были на танцующихъ — вдругъ увидѣли пламя. И — какой тревоги надѣлало нечаянное явленїе сїе! . . Дамы густою колонною побѣжали въ комнаты. Хотя не было ни малѣйшей опасности; но не такъ-то скоро успокоишъ ихъ въ такомъ случаѣ. Забавно между прочимъ, какъ почтенные старички, давно уже отвыкшїе отъ скорыхъ разъ, въ это время пустились изъ залы во весь тропъ. — Въ нѣсколько секундъ огонь потушенъ — и за ужиномъ произшествїе сїе, со множествомъ маленькихъ анекдотовъ своихъ, было предмѣтомъ общихъ разговоровъ.

Такимъ образомъ праздникъ Артиллерїи начатъ и конченъ истинно по Артиллерїйски — огнемъ. Ч.

VI. СМѢСЬ.

Милостивые Государи!

Журналы суть такія періодическія сочиненія, въ которыхъ обыкновенно оцѣниваютъ разныя произведенія литературы. По большой части это право присвоиваютъ себѣ сами Гг. Журналисты; отвѣты же на ихъ рецензіи не всегда появляются—вѣроятно потому, что какъ не соотвѣтственные или плану или слогу Журнала бываютъ отвергаемы. Такимъ образомъ большая часть Публики по молчанію обвиняемой стороны судитъ по сужденію рецензентовъ. Но какъ Гг. Журналисты - рецензенты всегда украшаются имянемъ безпристрастныхъ критиковъ; то кажется не должны бы изгонять отъ своихъ изданій или своихъ собратовъ никакихъ отвѣтовъ. Уповаю что почтенные Издатели Украинскаго Вѣстника поступятъ иначе и напечатаютъ при семъ прилагаемый мой отвѣтъ. Ибо ежели уже публика читаетъ переведенную мною

книгу толь важнаго по содержанію достоинства; то непремѣнно и должна узнать о всемъ томъ, что относится до изданія книги и рецензіи на оную.

Честь имѣю быть съ отличнымъ моимъ почитаніемъ и преданностію,

Милостивые Государи,

вашимъ

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Корнеліусъ.

15 Сент. 1816 года.

Александрія.

Отвѣтъ на критику Рускаго Библіографа.

„Мученики или торжество Христіянской вѣры. Соч. Шатобріана, переводъ Александра Корнеліуса. М. 1816. въ Тип. Селивановскаго, въ 8. 3 части: въ 1й 290, во 2й 275, а въ 3й 271 стр.„ Покорно благодарствую Г. современника руской Библіографіи за точное изчисленіе страницъ во всѣхъ трехъ частяхъ! Г. Библіографъ сдѣлавши такое начало, думать

надобно, возхищался уже заблаговремянно собственною остротою ума, которая въ семъ случаѣ досталась ему въ наслѣдство отъ издателя Московскаго Меркурія. Но подъ перомъ сего послѣдняго изчисленіе страницъ въ пустыхъ какихъ нибудь книжкахъ набитыхъ однимъ вздоромъ, въ самомъ дѣлѣ было довольно смѣшно. Здѣсь же счетъ страницамъ и самъ Библіографъ не знаетъ для чего поставилъ: supra caput ecce homo!

Итакъ наконецъ и Шатобріану досталось; и Шатобріанъ у Г. Библіографа чтитель непыщенности и галиматьи! О естьли бы когда нибудь Г. Современному случилось вступить въ слѣды Шатобріана, тогда бы блаженный Скюдери не хотѣлъ столько . . . . . ; тогда слеза и улыбка были бы всегдашнею его неотъемлемою наградою! Знаетъ ли Г. Библіографъ, чѣмъ одолжена Шатобріану Французская словесность?

По примѣру достославныхъ Рецензентовъ и здѣсь слѣдуютъ сей часъ ругательства: на пр. „ трудно найти книгу, которая была бы переведена такимъ на-

дутымъ слогомъ, безтолковымъ, неправильнымъ.„ Вотъ и доказательство: „Призову дщерей памяти (вмѣсто Мнемозины)„ У Шатобріана въ предисловіи поставлено: filles de Memoire. Ему, т. е. Шатобріану, извѣстны древніе языки, съ которыхъ онъ умѣетъ переводить на свой. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: filles de Memoire, а въ другомъ filles de Mnemosine; ему Шатобріану какъ знающему Греческій языкъ переводить такимъ образомъ не казалось странно. Подобно тому и переводчикъ также написалъ въ предисловіи какъ выше сказано; а на 98 стр. 1 час. такъ: „О дщери Мнемозины, коимъ пріятны лѣса Олимпійскіе.„ Стало и до толкованія Г. Библіографа было это таинство извѣстно переводчику. Потомъ Библіографъ удивляется, что „Платонъ дѣйствовалъ количествомъ поэзіи, какъ колесницею возносящею къ небесамъ.„ Развѣ Г. Толкователю неизвѣстно, что есть поэзія тоническая и количественная? За симъ слѣдуютъ замѣченныхъ два или три солецизма, кои суть ошибки Корректора, который между прочимъ постарался такъ

изуродовать мой манускрипть, что я получа первые печатные листы изпугался новаго ихъ преобразованія; для чего просилъ издателя моего перевода Г. Свѣшникова пояснить всѣ тѣ непростительныя ошибки, что и сдѣлано въ экземплярахъ мною полученныхъ (ибо не за деньги переводилъ), но въ тѣхъ экземплярахъ, которые поступили въ продажу, ни объ одной погрѣшности не знаю почему не упомянуто. Еще Г. Библіографъ наставилъ вопросительныхъ знаковъ, огражденныхъ дуговидными скобками и изкосилъ нѣсколько словъ и реченій, по коимъ я ничему не научился. А по глубокому своему знанію старой и новой руской литературы, такъ же по отличному вкусу въ сей послѣдней, что видно изъ его слога, который всего лучше можно уподобить чорствому куску никакъ нелѣзущему въ глотку, пожаловалъ меня въ Тредьяковскіе. „Повитыя (вмѣсто увитыя)„ „знамя (вм. знамени если только это ошибка) это суть мои погрѣшности, за которыя прошу покорнѣйше извинить — впередъ не буду! Заключается рецензія съ при-

мѣтнымъ самодовольствїемъ Г. Толкователя тако: „довольно!„ Ad populum phaleras!

Естьли бы позволено было оправдывать свои глупости подобными же чужими; то сколько можно выставить цвѣтовъ легкости, толковитости и правильности слога у самаго Г. Библїографа который такїя строгїя учиняетъ критики! Неугодно ли взглянуть: (стр. 94)„ и даже цѣлыхъ *лѣсъ*„ ст. 96. „онъ почерпнулъ *мысли* свои изъ *познанїя* двора и людей, „—„ *онъ* самъ любитъ добродѣтель, сердце *его* предано *ей* — и потому творенїя *его* могутъ заставить *насъ* любить *ее*.„ (С. 104) „*злачныя* вѣтви опустили лавровыя рощи.„ (стр. 115) „*преувеличенными* порицанїями. . . . *заинтересовать* публику.„ (ст. 121) „слогъ его былъ отрывистъ, теменъ и наполненъ *фразами*;„ (ст. 122) „въ ней (т. е. одѣ) не было возвышенныхъ мыслей и вообще она не имѣла никакой связи. Онъ читалъ ее намъ.„ (Кого?) (стр. 123)„ Помня церемонїю возведенія своего на Императорскїй пре-

столъ, онъ (Наполеонъ) всегда предпочиталъ меня другимъ, часто сообщалъ мнѣ свои мысли и когда въ классахъ не понималъ Латинскихъ Авторовъ, то просилъ -- чтобъ я ему толковалъ ихъ.„ Былъ Императоромъ и ходилъ въ классы! — Каково поймутъ эту кудреватость? (стр. 124) „однажды переводили мы въ *Светоніи*, „ (Светонія не провинція и не городъ, но Светоній писатель древняго Рима.) Тамъ же: „Находилъ (Наполеонъ) большое удовольствіе въ умерщвленіи Саксонцевъ.„ Какъ это, когда былъ еще школьникомъ?— Видно Саксонцевъ изъ картъ.

Не это ли оттѣнки *легкослогихъ* Авторовъ изображенныхъ А. С. Ш. въ разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ?

Александръ Корнеліусъ.

Исполняя желаніе Рекритика мы помѣщаемъ въ своемъ журналѣ оправданіе его. Впрочемъ смѣемъ увѣрить: что непринимая ни чьей стороны, не хотимъ заводить ни съ кѣмъ ссоры. Чтожъ касается до мыслей о Шатобріянѣ; то ска-

жемъ: не одинъ Г. современный Библіографъ такого мнѣнія о немъ и приведемъ сужденіе Французскаго критика по случаю пародическаго сочиненія: *Saint-Géran* ou la nouvelle langue française, anecdote récente; suivie de l'Itinéraire de Lutèce au mont Valérien, en suivant le fleuve Séquanien et revenant par le mont des Martyrs; petite parodie d'un grand voyage (*). Французскій рецензентъ сперва говоритъ вообще о худомъ вкусѣ, раздѣляя его на худой вкусъ *отъ недостатка* (разумѣется генія) и на худой вкусъ *отъ излишества*. Первый почитаетъ онъ не столь вреднымъ: ибо двадцать безвкусныхъ такого рода писателей не могутъ еще помрачить литературной славы цѣлой націи. Но худой вкусъ *отъ излишества* напротивъ очень опасенъ; потому что онъ не несовмѣстенъ съ нѣкоторымъ родомъ Генія и даже истиннаго таланта, и состоитъ въ худомъ употребленіи хорошихъ качествъ. Особенно же примѣчателенъ онъ по злоупотребленію того,

(*) Journal de l' Empire. 5 Juin. 1812.

что мы называемъ живость ума. Ослѣпляя обыкновенныхъ читателей множествомъ тонкихъ и малопонятныхъ чертъ, изумляя ихъ мнимымъ величїемъ образовъ и мыслей, онъ производитъ энтузїастовъ; похищаетъ въ одно мгновенїе успѣхи, которые прекрасная простота получаетъ только отъ времяни и размышленїя; онъ опасенъ и противъ негото критика должна вооружиться всею своею строгостїю. . . .

Сей-то худой вкусъ авторъ *брошюрки* изображаетъ еще лучше въ слѣдующихъ строкахъ и кажется относитъ ихъ къ Шатобрїану: „Между писателями, которые критикуются въ семъ маленькомъ сочиненїи, есть особенно одинъ—для коего тѣмъ болѣе потребна критика, что онъ по видимому находитъ удовольствїе въ порчѣ языка Французскаго. Было бы несправедливо отрицать въ немъ всякой талантъ; но нелѣпо приписывать ему безпредѣльное удивленїе, выхвалять какъ честь вѣка и нацїи декламаторскїя тирады безъ всякаго основанїя (хотя они часто бываютъ не безъ цѣли), надутыя

выраженія, варварскія словосоединенія, смѣшныя подробности, каррикатурныя изображенія представленныя съ намѣреніемъ, съ важнымъ тономъ, — обманывающимъ невнимательныхъ читателей, кои слова принимаютъ за мысли, а галиматью за краснорѣчіе . . . . Изданія сихъ сочиненій умножились въ короткое время; большая часть журналовъ долго гремѣли бхвалу имъ; и партизаны Автора еще болѣе показали ревности, нежели Прадоновы во время Расина. Наконецъ многіе другіе Авторы, ревнуя къ толь легкимъ торжествамъ, принялись подражать ему; вскорѣ здѣлался онъ начальникомъ школы или лучше сказать секты; ибо его поклонники тотчасъ изрыгаютъ хулу на того, кто только ни осмѣлится замѣтить въ немъ недостатки.“

Критика сія строга; а справедлива-ли? не могу сказать. Довольно, что я показалъ мысли сходныя съ безымяннымъ сочинителемъ (брошюрки); и я поступилъ бы слишкомъ простодушно, естьли бы сталъ утверждать, что онъ правъ, и пр..“

На другія замѣчанія Г. Рекритика, не читавши его перевода и рецензіи Г. Библіографа, сказать ничего не можемъ, кромѣ того: что слогъ Шатобріановъ въ самомъ дѣлѣ составляетъ болѣе, нежели половину достоинства его сочиненій; и такъ естьлибы переводчикъ положилъ на бумагу только мысли Французскаго писателя, — то книга при всей исправности въ такомъ переводѣ имѣла бы не очень большую цѣну во мнѣніи знатоковъ.

Издат. Укр. Вѣст.

Библіографія выходящихъ въ Харьковѣ книгъ.

I. *Письма изъ Малороссіи*, писанныя *Алексѣемъ Левшинымъ*. Харьковъ. въ Унив. типогр. 1816. въ 8-ю долю, 206 страницъ.

(Въ предыдущихъ книжкахъ нашего Вѣстника мы говорили уже о сихъ Письмахъ. Теперь остается пожелать, чтобы мнѣніе наше было подтверждено судомъ Публики.)

II. *Правила Харьковскаго Коммерческаго Собранія.* Харьковъ, Въ Универ. типографіи, 1816 въ 8-ю долю, 21 стран.

(Сія книжка есть также знакъ того, что нашъ Харьковъ не отстаетъ въ способахъ жить хорошо отъ древнѣйшихъ, многолюднѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ.)

Издателямъ.

Въ осьмой книжкѣ Украинскаго Вѣстника читалъ я замѣчаніе Г. Маркова на статью о малой Россіи помѣщенную въ 2 и 3 книжкахъ онаго Вѣстника. Въ своемъ замѣчаніи между прочимъ Г. Марковъ пишетъ: „на какихъ доказательствахъ основано,— что Польское правительство по присоединеніи къ своему единовластію Литвы съ тѣми изъ Россійскихъ Областей, кои отторгнуты отъ Россіи Великимъ Княземъ Литовскимъ Гедиминомъ — Волынскую и Луцкую изъ сихъ Областей съ Подоліею и полѣсьемъ причислило къ Малой Польшѣ, а Кіевъ съ его округомъ и другіе го-

рода на правой сторонѣ Днѣпра наименовало Малою Россіею на лѣвой же Украиною." На сіе отвѣчаю: слѣдовало бы сказать на правой сторонѣ Днѣпра Украиною, а на лѣвой Малою Россіею, къ которой Кіевъ съ его Округомъ причисленъ; — при перепискѣ, или при наборкѣ словъ здѣлана таковая ошибка, незнаю. Подобные ошибки и прибавленія усмотрены мною во второй книжкѣ Вѣстника на 146 страницѣ: вмѣсто того, что Великое Княжество Литовское на Люблинскомъ Сеймѣ присоединено къ Польскому Королевству, напечатано: Великое Княжество Литовское участью войны уничтожено. На 148 страницѣ Польская лѣтопись вмѣсто *Коховскаго* названа *Кохансказо*. Въ третьей книжкѣ на 307 страницѣ о Юріи Хмѣльницкомъ прибавлено: у коихъ нѣкогда былъ въ плѣну отецъ его. На 309 страницѣ описывая измѣну онаго Гетмана, что онъ къ новонаселеннымъ (прибавлено: или составленнымъ) полкамъ Слободскимъ Сумскому Ахтырскому и Харьковскому послалъ благоволительное предло-

*2

женіе: нехотятъ ли они принять его сторону, вмѣсто: присылалъ съ нарочными отъ себя пригласить къ таковой же измѣнѣ. Но сіи новые подданные Россійскаго Монарха не поколебались въ вѣрности Царю, — напечатано: новые полки оказали древнюю вѣрность и преданность Россійскому Царю (*).

Объяснивъ ошибки и прибавленія во описаніи о малой Россіи, удовлетворяю требованію Господина Маркова. На вопросъ же, откуда бралъ я извѣстія, — отвѣчаю: изъ Исторіи *Горецкаго.*

И. К.

(*) Желательно знать, гдѣ сіи полки оказали въ древности вѣрность и преданность Россійскому Царю? Авт. — Отвѣчаемъ: древнюю не значитъ въ древности, а великую — не нарушимую какая была въ древности. Впрочемъ всѣ поправки и прибавленія были необходимы, какъ самому Г. Сочинителю извѣстно. Издат.

УКРАИНСКІЙ ДОМОВОДЪ.

Подъ симъ имянемъ намѣренъ я съ начала будущаго 1817 года выдавать здѣсь въ Харьковѣ ежемѣсячно по одной книжкѣ въ 4 печатныхъ листа. Въ сихъ книжкахъ будетъ содержаться все что касается разведенія домашнихъ животныхъ, хожденія за ними, предохраненія отъ болѣзней, лѣченія оныхъ у лошадей, ословъ, лошаковъ, рогатаго скота, овецъ, свиней, собакъ, кошекъ, гусей, утокъ и куръ пчелъ и рыбы, шелковыхъ червей и проч.

Все сіе будетъ состоять изъ слѣдующихъ Отдѣленій:

1.) Должности каждаго хорошаго хозяина вообще, которыми онъ обязанъ къ домашнимъ животнымъ какъ человѣкъ и какъ членъ общества.

2.) Размноженіе скота a) черезъ приплодъ, b) черезъ покупку; выборъ скотины для приплоду; необходимыя притомъ качества; конскіе заводы; дикія животныя, полудикія, ручныя; казенные заводы, частные; предосторожности при покупкѣ скота; наружность лошадей; хож-

О пастьбищахъ и загонахъ для овецъ.
О пастьбищахъ для свиней.
О водопоякъ для скота.
О чисткѣ скота и обращенiи съ нимъ.
О движенiяхъ и работѣ домашняго скота.
О разведенiи кормовыхъ травъ.
О употребленiи въ пользу продуктовъ домашняго скота.
О волосахъ и шерсти, кожахъ, рогахъ костяхъ, салѣ, молокѣ и навозѣ.
Искуство приготовлять различные роды сыра; приготовленiе масла.
Предохраненiе домашнихъ животныхъ отъ болѣзней.
Ковка лошадей; ошибки при томъ бывающiя.
О скотскомъ падежѣ и часто случающихся болѣзняхъ домашняго скота, особенно когда онѣ господствуютъ; сравненiе сихъ болѣзней съ людскими, такъ что и лѣкари незнающiе совсѣмъ скотолѣченiя по средствомъ сего могутъ притти въ состоянiе давать совѣты и лѣчить.

За симъ также будетъ имѣть мѣсто въ семъ Журналѣ верьховая ѣзда для

пользы какъ любителей ея, такъ и для Офицеровъ. Словомъ, здѣсь ничего не будетъ опущено, что только имѣетъ влїянїе на сїю часть хозяйства и на скотолѣченїе.

Подписная цѣна здѣсь въ Харьковѣ 12 руб. а съ пересылкою во всѣ другїе города 15.

Федоръ Пильгеръ, Ординарный Профессоръ И. Х. Университета, Коллежскїй Совѣтникъ.

Руской переводъ будетъ производиться подъ смотрѣнїемъ Г. *Гонорскаго.*

Каждый мѣсяцъ будетъ выходить одна книжка; три такихъ книжки составятъ часть, а четыре части полное годовое изданіе.

Издатели съ благодарностію будутъ принимать присылаемыя къ нимъ сочиненія и печатать, — естьли они соотвѣтствуютъ цѣли журнала; но не обязываются пересылать обратно къ сочинителямъ тѣ изъ нихъ, кои по какимъ нибудь причинамъ не могутъ быть напечатаны.

Подписка принимается во всѣхъ Почтовыхъ Конторахъ и Экспедиціяхъ съ надписью на конвертѣ: *Издателямъ Украинскаго Вѣстника въ Харьковѣ.* Подписная цѣна за всѣ 12ть книжекъ здѣсь въ Харьковѣ 15 руб.; а съ пересылкою въ другіе города 18 руб.

Желающіе получать сей Журналъ благоволятъ подробно при подпискѣ означать свой чинъ, имя, отчество и фамилію для вѣрнѣйшаго доставленія книжекъ.

Содержанiе 10й Книжки.